

Мертвое

веруце

Анна Цой

16+

Анна Цой

Мертвое сердце. Книга первая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63462207

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-97374-9

Аннотация

С раннего детства у меня не было ничего. Детский дом, по иронии судьбы названный «Надежда», отнимал надежду у всех его обитателей. Однако, всю «идиллию» разрушил отец, решивший забрать меня. Теперь на моём пути встают ещё большие проблемы: разобраться в себе, новом мире, тайнах и мотивах тех, кто меня окружает. И постараться не завязнуть в болоте собственных сомнений, если привыкла доверять только самой себе.

Содержание

Анна Цой	4
Пролог	4
01	10
02	24
03	39
04	60
05	85
06	104
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Анна Цой Мертвое сердце. Книга первая

Анна Цой Мертвое сердце. Книга первая

*Посвящается тому, кто стал для меня солнцем
в темном мире.
Твоя Лесси.*

Пролог

Солнце медленно тонуло, огромным раскаленным шаром погружаясь за край неба. Последние его лучи таяли на крышах полуразвалившихся домов заброшенной деревеньки. Терпкий запах земли, леса и скошенной травы витал в раскаленном за день воздухе. Разгоняемый ласковым полевым ветром, он поднимался над высями незасеянных

людьми холмов, низвергался в самые темные глубины оврагов, но раз за разом исчезал, прибитый к земле частым дождем.

Тишина этих мест прерывалась лишь песней диких птиц и трелями цикад, которые чувствовали скорое приближение ночи. Той ночи, что сплела судьбы трех совершенно не связанных друг с другом людей в крепкий узел.

На западе небо окрашивалось в багряные цвета, в то время как на другой стороне темнела высь, намечались звезды и становились ярче очертания двух желтых колец – лун нового мира Деймос.

Одинокая фигура, закутанная в тяжелый пыльный плащ, ковыляла по проселочной дороге, с опаской поглядывая по сторонам. Неровно подстриженные волосы, что маленькими пружинками выбивались из-под капюшона, заправлялись за уши нервно поддрагивающей рукой. Бледное, будто обескровленное лицо выражало лишь усталость, а взгляд волной дикой печали окутывал окружающую обстановку.

В корзинке тихо ворочался младенец. Но женщина, которая несла его на руках, будто не слышала приглушенных всхлипов и не видела больших карих глаз, расфокусировано глядящих на мир. Пару месяцев назад она приняла то самое судьбоносное решение, послужившее толчком к падению косяшек домино и запуску цепной реакции тех событий, которым только предстоит произойти.

Гулкий хлопок разнесся над долиной, заставив взлететь

стаю птиц, что пряталась в высокой сухой траве. Ветер поднял пыль и смахнул с миловидного лица непрошенные слезы. А в ярких закатных лучах появился силуэт, шагнувший из магического портала. Золотое искрящееся кольцо перехода потемнело и схлопнулось, оставив после себя долговязого парня, который направился навстречу женщине с ребенком.

Немного нахальная улыбка на его лице меркла с каждым шагом, приближающим первую детскую любовь, но разрушающим идеальный непорочный образ, хранимый в сердце несколько лет. Он со всей очевидностью мог сказать, что в собственных мыслях неоднократно предрекал подобные события. Но были ли ей нужны его слова? Она ненавидела советы и четко следовала лишь своим принципам. Глупым принципам шестнадцатилетней девушки из мира технологий и равенства. Знаковым было то, что именно догмы о равноправии привели ее сюда – на пустынную дорогу с ненужным ребенком на руках.

Последний луч солнца скрылся за горизонтом, отдавая свои права двулунию, которое желтым ясным светом озаряло новый мир.

Здесь не существовали такие понятия как равенство, свобода и мораль. Однако раз за разом появлялись те, кто шел против системы. Однако, все они, будучи сломленными, принимали ее правила и законы. Такой была и Маргарита – девушкой, что обожглась и пыталась скинуть эту ответственность со своих плеч.

Женщина, словно загнанный в угол зверек, пыталась найти хоть каплю жалости в глазах того, кого считала другом долгие годы. Но получила лишь презрение и усмешку.

– Здравствуй, – произнесла она надрывно, будто вот-вот вырвется ураган чувств и снесет её лавиной отчаяния и страха.

Он промолчал. Лишь холодно оглядел ее и вновь вернул свое внимание к ночному небу. Некоторое время они стояли молча. Она не могла поднять стыдливый взгляд, а он справлялся с противоречиями в собственной голове.

Письмо, полученное им вчера, жгло карман его брюк. Каждая его строчка вызывала у него чувство бессильной ненависти.

– Пойдем, – парень сделал взмах рукой, и в метре от Маргариты появилось золотое кольцо.

Женщина бросила последний взгляд на ветхие избушки вдали и поторопилась зайти в портал. За ней шёл и сам молодой Лорд. Межмировые порталы были сложны для построения и требовали много сил. Однако основной проблемой оставалось нежелание мира принимать в себя кого-либо, ведь своего населения было предостаточно. Вот и коридор перехода в старый мир Фобос был покрыт густой черной грязью, ступать по которой было трудно.

Они вышли у тяжелых кованых ворот главного особняка матери Маргариты.

Зима здесь только набирала обороты. Пышные хлопья

снега закручивались ветром, начинался буран.

В тот год зима в старом мире назревала долго, а после неторопливо растягивала свои белые пушистые щупальца. Теперь юго-восток страны сгибался под тяжестью сугробов, успевших появиться всего за неделю.

В этих местах тишина редко нарушалась даже днём, хотя многие жители все же знали тайны, закрытые для остального мира. Лишь приглушённый хлопок портала разрушил её, упав стеклянным пологом под ноги недавно прибывшим.

Кучевые облака быстро плыли по предрассветному небу. Первые лучи света окрасили его в нежно-розовую палитру, осветив и пелену снежного покрова, и те хрупкие льдистые звездочки, что парили над землёй.

Это был один из самых ужасных рассветов. Он словно кричал о новой жизни, что может начать девушка в этом мире. Да только она не собиралась использовать этот шанс.

Они вновь встали в отдалении друг от друга и смотрели в разные стороны. За несколько месяцев разорвалась связь, что скрепляла двух лучших друзей. Сейчас же он, сам того не признавая, холодел не только к единственной, к которой успел прикипеть, но и к самой вселенной, что убила в нем веру в добро, преданность и любовь.

– Феликс... – тихий шёпот вырвался из ее уст.

Резкий поворот головы и ледяной взгляд, который ещё ни разу не доставался ей. Она подбадривала себя, вкладывая в собственное сердце светлые мысли о том, что он простит.

Однако разумом всё же понимала, что врёт самой себе.

– Спасибо, – наконец выдавила Маргарита, ожидая от него любой реакции, кроме той, что увидела.

Презрительный взгляд холодных синих глаз и четкие слова высшего Лорда:

– Больше не проси меня о помощи, – он развернулся и пошёл к центру деревни, – прощай.

И постепенно скрылся.

Слезы застилали ее глаза. Возможно, в глубине души она понимала, что могла прожить счастливую жизнь с тем, кого не любит, но кто никогда бы её не обидел. Он даже сейчас пришёл на помощь – в момент, когда она сама опустила руки. Он презирал ее за выбор, который она сделала, однако даже помыслить не мог о том, что она обманула его.

Молодая девушка, сломавшая свою жизнь собственными руками, собиралась сделать то же самое с дочерью. Марго ждал прекрасный эльфийской король, что сватался к ней несколько лет. А вот девочке-бастарду при дворе будет несладко.

Пусть и не простит маленькая Алиса участи брошенного ребёнка, но она будет счастлива в отличие от женщины, что ее родила.

Я снова влипла.

Темно-синие хорошо отремонтированные стены никак не могли ассоциироваться в моей голове с муниципальным зданием. Зато жесткое старое кресло не подкачало. Поерзав в очередной раз, я соскользнула, скатившись ещё ниже по деревянной сиденью, обитому кожзамом.

Часы времён моей прабабушки пробили четыре утра. Или ночи, тут с какой стороны посмотреть. Гул ещё минут пять отдавался в тяжелой голове, напоминая о двух сутках без сна. Ничего, приеду в Дом и, наконец, отосплюсь. До этого, конечно, выслушаю чёртову кучу нотаций о собственной глупости и удивительном терпении директора.

Если смотреть правде в глаза, то я ангел небесный по сравнению с любой бандой, которые вечно ошиваются в районе "Надежды". И если упустить тот момент, что в половине состою сама.

– Имя, фамилия, отчество, – спрашивает молодой парень в форме полицейского.

Ммм... новенький. Ну, ничего, с моим везением я часто буду попадать сюда. Ещё познакомимся.

Я не была беспризорницей или кем похуже. Скорее уж вечно влипающей в неприятности девушкой из детдома. Вот

и сейчас была такая ситуация.

– Астафьева Алиса Александровна. Четвертое февраля две тысячи четвёртый год, – привычно ответила я, пытаюсь закутаться в куртку, которую из жалости выдали мне по приезде.

А я и вправду выглядела жалко. Чего только стоили джинсы с протертыми коленями и розовые волосы с отросшими тёмными корнями. И все это жутко дисгармонировало с длинными ногтями с идеальным маникюром. Ну не планировала я выход в люди! Меня вообще насильно схватили, вынесли из спальни, затолкали в машину и увезли "веселиться" в местный клуб. Сижу вот, веселюсь.

– Белка, опять ты? – в кабинет вошёл уже знакомый дядька в синей рубашке.

Я села ровнее и расплылась в улыбке, все ещё заворачиваясь в куртку. Чего у них здесь так холодно? Ноябрь на улице, а у них отопления нет! Застучала зубами, потеряв контроль над собственным телом от холода.

– Дядь Миш, отпустите по старой дружбе, а? – построила самую виноватую морщку и посмотрела на мужчину с мольбой.

Участковый прошёл от входа к своему столу, шлёпнув какими-то бумагами по государственному имуществу, и сел на противно скрипнувший стул. Интересно, на покраску стен бюджет выделили, а на мебель, чуть ли не разваливающуюся под весом не самых худых мужчин, не смогли. Сколько лет

сюда попадаю, а изменений почти не застаю.

– В чем ты на это раз не виновата, а, Белка? – спрашивает участковый, даже не обратив внимания на мои мольбы.

Не помню почему, но он называл меня только по кличке. Услышал же где-то, и привязалось. Может, так ему было легче со мной контактировать? Я ведь несовершеннолетний подросток с девиантным поведением и кучей приводов. Да меня уже в детскую комнату милиции перестали увозить! И сейчас спросят что-то для протокола и отвезут в "Надежду", подарив директору право выбора наказания. Я была не против, так даже легче, не придётся чувствовать себя ошибкой природы перед доброй женщиной, которая занимается постановкой на учёт.

– Драка, – я пожала плечами и посмотрела на грязевые подтеки на полу, которые оставила заляпанными сапогами.

Неприятно. Не люблю мусорить, тем более разводить грязь. От этого самой себе кажешься грязной и неприятной. Меня передернуло, но скорее от холодного сквозняка из окна.

– Паспорта с собой не было, – сказал молодой стажёр и продолжил печатать отчёт на ноутбуке.

Михаил Семёнович пробурчал что-то вроде "Откуда он у нее?" и снова залип в бумажки.

Интересно, где там Барсик пропадает? Меня скрутили ровно за пять минут до его возвращения из туалета. Всё что я успела – пронаблюдать за потерянной москвой из окна уда-

лящегося бобика. Хотя, если смотреть объективно на всю ситуацию, то виноватым был именно он. Из комнаты утащил сопротивляющуюся меня он, привез в этот чертов клуб он, и получила я из-за ревности его бывшей зазнобы.

– Чего ты в «Жаре» забыла? – поинтересовался Дядь Миша, – там же одни наркоши.

Кивнула, подтверждая его последнюю фразу. И скривилась, вспоминая то, что видела у бара. Куча людей, продающие и покупающие таблетки, и я, танцующая под заводную мелодию. Никогда не пробовала наркотики. Не понимаю людей, которые сознательно подсаживают свой организм на медленную смерть. Это глупо и недальновидно. Но алкоголь пью. Противоречивая я личность.

– Барислав танцевать привёл, – пробурчала я, вспоминая собственного парня самыми последними словами.

Чаще всего в участок я попадала из-за него и собственной тормознутости. Или везучести. По какой-то малопонятной причине ловили меня первой. Как ни крути, но это оставалось одной из самых загадочных закономерностей моей жизни.

Вот и сейчас, поймали меня и ту женщину, которая пыталась втянуть меня в драку, потому как она безумно любила Барсика. К моему счастью никто не пострадал, но было обидно. Неадекватную и пьяную вдрызг куклу увёз прискакавший знакомый, а шестнадцатилетнюю меня без документов и, кажется, мозгов оставили до выяснения обстоятельств.

Не честно, как по мне, потому как инициатором была она. А я просто розоволосое нечто в поношенной одежде, которое априори выглядело виноватой. М-да.

– Поехали, отвезу тебя в "Надежду", – встал участковый, и комната огласилась новым мученическим криком стула.

Я радостно кивнула, вскочила на ноги и с сожалением стянула с плеч тёплую куртку. Протянула ее стажеру, который рассматривал меня как барби, которую маленькая девочка подстригла и покрасила. Красочное и чертовски точное сравнение.

– Оставь, – смутился парень под моим обрадованным взглядом.

Мерзнуть не хотелось от слова «совсем». Так что я благодарно улыбнулась ему и пошла на выход.

Дядь Миша вывел меня в полумрак коридора, где по ощущениям было на пару градусов холоднее. Виновны в этом большие, не утеплённые на зиму деревянные окна, со щелями, в которые я могла просунуть палец. Мужчина махнул мне на лавочку у стены, а сам зашёл обратно в кабинет, видимо за ключами от машины. Ну или хотел, чтобы я не услышала их разговор. Однако деревянная дверь не имела никакой шумоизоляции, так что низкий бас участкового и тенор его помощника я слышала настолько отчетливо, будто сама находилась в комнате.

– Отпускаете ее? Просто так? – спросил молодой.

Шуршание бумаг и скрип открываемой дверцы шкафа.

Тяжёлое дыхание, хрип участкового и его усталый голос.

Встала у стены напротив двери, не желая садиться на холодную лавочку.

– У тебя есть варианты получше? Толку ее оставлять здесь? Там хоть под присмотром будет.

Я его понимала. Тоже устала от собственной безысходности. Он мог бы сейчас спать дома в тёплой кровати, но собирается везти по сырым мокрым улицам брошенного подростка в детский дом, а там ещё и профилактические беседы устраивать из-за того, что те не могут уследить за подопечными. Дай мне сейчас на выбор быть собою или им, я бы выбрала себя. Я получу очередное наказание, не выйду за пределы Дома месяц или два, но не буду каждый день проводить в гиене огненной, в которой каждый день живёт мужчина.

– Она на учёте с двенадцати лет. Хулиганит, дерётся постоянно, ночью бродит где попало!

Я то думала, что он добрый. Куртку мне одолжил вот. А тут пытается наказать посильнее. Не разбираюсь я в людях, что поделать. Никогда не удавалось с первого взгляда определить, как расположен ко мне собеседник. Часто доверяю плохим людям и раз за разом обжигаюсь. Но верю в добро. Разве стал бы грозный дядька полицейский, который в тюрьму засадил половину нашего городка, отвозить хулиганку меня? Да, иногда случались и моменты малодушия, когда я запутывалась в себе или же специально делала назло. Но я верила в человечество и в мир, в котором зло всегда проиг-

рывает. Чаще всего в моей "сказке" было именно так.

– А куда ее? На пятнадцать суток закрыть? Директор этой их "Надежды" не поедет за ней. Нахрен она ему не нужна. Зато бабка, которая в городе живет, прилетит и такой шум поднимет, неделю снится будет в кошмарах. Опасности от нее никакой, голова на плечах имеется, хоть там и ветер. Отработает наказание – поумнеет на каплю, так, гляди, к двадцати ее больше не увидишь.

И ведь не поспоришь. Раньше я сюда чаще попадала, бывало даже раза два за неделю. Сейчас раз в три месяца, бывает реже. Умнею, наверное. Даже зарделась немного.

– Протокол заполнишь, ляг и поспи. Нам ещё к Шанхаю ехать.

Тяжёлые шаги и надрывный скрип пола, прогибающегося под тяжелым телом, заставил отпрыгнуть от двери на несколько шагов. Та резко открылась, выпуская Михаила Семёновича, уже надевшего форменную куртку. Выглядел он в ней забавно: на груди воздушная подушка, а живот стянут до невозможности. Я спрятала смешок в воротнике и пошла за ним к выходу.

Патрульный бобик стоял на парковке у единственного на весь наш маленький городок участка. Привычно села на переднее сидение и с силой захлопнула дверь, потому как по-другому она не закрывалась. На водительское втиснулся сам хозяин машины, завёл мотор и вырулил на темную площадь перед парком Победы.

А на небе занимался рассвет. Оно светлело, отражаясь лучами блеклого осеннего солнца от сизых облаков, что плыли грязными барашками в противоположную нашему движению сторону. Горизонт падал на плечи серо-голубым сводом, давя и вынуждая думать о приближающейся неприятности.

Сколько времени я просидела там, в участке? Сейчас часов шесть утра. Даже машины встречались редко, автобусы тем более. Кому хочется ехать куда-то в промозглый выходной? Вот город и спал, досматривая свои сны с проблемами, о которых мне даже мечтать сложно.

Не могу представить жизнь хуже моей. Тем неприятнее было видеть коттеджи частного сектора центра города. Дорога пролегла мимо счастливых и не очень жизней других людей. Будь я на их месте, то радовалась бы каждому дню, пусть и нудному, зато в семейном кругу и без борьбы за существование.

Спокойной жизни не существовало в Доме. В нём с раннего детства ты должен биться за справедливость. Тебя разом используют в своих целях, издеваются и бьют. Но стоит только ступить за высокий забор "Надежды", мир кардинально меняется, добреет и приобретает краски.

Потому рано или поздно побег становится первоочередной задачей. И это случается почти с каждым. Кто-то не выдержав и пары месяцев, а кто-то, дождавшись совершеннолетия. Я была из второй категории – идти мне было некуда.

Однако были и те, кто не стремился к побегу. Такие как Барсик пользовались привилегиями, оставались тут до двадцатитрехлетия, а потом обеспечивали детдом. Все, включая директора, знали откуда на счета "Надежды" поступает финансирование, но молчали. Деньги есть деньги. Даже если они заработаны нелегально.

Серая крыша, покрытая мокрым от сырости шифером, показалась из-за редких деревьев и потрескавшихся многоэтажек, а я почувствовала, как в животе завязывается узел из страха и сомнения.

– Боишься? – как будто в ответ моим мыслям спросил мужчина, задумчиво почесывая топорщащиеся усы.

Киваю и смотрю на кирпичное двухэтажное здание, которое неумолимо приближалось, давя на психику. Не хочу туда. Будь у меня выбор, оказалась бы сейчас в другом месте. Но его у меня нет, так что открываю дверь и ступаю на мокрый бетон. Дверь сразу захлопываю, не желая выпускать тепло из нутра старого автомобиля. Даже там мне дышалось легче, чем под морозящим дождем и серым небом у ограды Дома. Подставляю лицо холодным каплям и вдыхаю морозный воздух.

Страж закона идёт впереди, вынуждая плестись за ним, в отчаянии поглядывая на тучную спину. Ему-то что до моих проблем, у него своих – миллиард. Я, возможно, ноя постоянно о своей жизни, живу раз в пять лучше чем он. У меня хоть время позавтракать есть.

Миновав парк с редкими деревьями, мы поднялись на крыльцо, на которое ступать то опасно – бетон потрескался и покрошился от времени. Тяжелая обитая ржавым железом грязно-жёлтая дверь открылась с громким скрипом, разбудив сторожа и вахтершу. Оба они вскочили на ноги при виде участкового, но остановились и с осуждением взглянули на меня.

– Доброе утро, Валентина Сергеевна! – сказал, улыбаясь старушке, дядь Миша, – как Ваше здоровье?

Женщина скривилась ещё больше и покачала головой. На вид ей было лет семьдесят, но морально она готова была орать ещё лет двести. А ещё жаловаться на боль в спине и раздавать тяжелой рукой подзатыльники всем, кто ей не угодил. Я была не исключением, так что не понаслышке знала, что ускорения они придают даже сильнее пинка.

– Опять?! – заорала на весь этаж тучная женщина, её глаза сверлили меня, как рыбаки сверлит лёд для лунки.

Сторож шархнул в сторону, открыв мне минное поле для пробежки. Воздух накалялся от тяжелых взглядов, направленных на меня.

Но к моему счастью и разочарованию вахтерши с лестницы послышался перестук каблуков, и показалась печальная улыбка Раисы Алексеевны – главной воспитательницы нашего детского дома. Пара летящих шагов и самая лучшая в мире женщина спускается и подходит к нам. Меня ласково, но непреклонно хватают за руку и немного ее сжимают.

– Михаил Семёнович! Может чаю? – мягкий голос успокаивает присутствующих и ласкает слух.

Захотелось обнять ее и расцеловать. Она всегда спасала меня. Словно чувствовала, когда мне нужна помощь.

Как только я попала сюда, Рая была самой обычной няней в ясельной группе. По счастливой случайности это была моя группа. До пяти лет я называла ее мамой, но после мне стало немного некомфортно от такого общения. Однако, стоило мне разволноваться или разозлиться, я все равно выкрикивала не имя. Она словно выросла вместе с нами. Вскоре Раиса получила образование и стала следить за поведением детей в Доме. Два года назад она стала главной по воспитательной работе.

Лучше человека я не знала. Ее любили все, включая меня.

– Не откажусь, – заигрывающим тоном произнес участковый, чуть ли не падая к ее ногам.

На душе стало спокойнее, потому как, если мама пришла одна, значит директора нет. Скорее всего он укатил к своей любовнице в город, и до обеда его можно не опасаться.

Мы прошли по коридору и свернули в пустую столовую. Хорошо что все встают в восемь и приходят сюда к девяти, иначе я бы не осилила сотню глаз на собственной провинившейся персоне.

Из кухни доносилась приглушенная ругань и шкворчание, Рая проводила нас к преподавательским столам и умчала, цокая каблуками, за неприметную дверь. Через минуту

на столе стояла порция завтрак для меня, чай и печенье для взрослых и протокол задержания, что достал дядь Миша.

Первым делом женщина взяла и прочитала документ. Тяжело вздохнув, взглянула на меня и неожиданно произнесла:

– Вторая драка за месяц! Тебе секции борьбы не хватает?!

Я хмыкнула. Мне ее даже слишком – там меня только и бьют. Хорошо хоть синяки быстро сходят, иначе бы вся синя ходила.

А насчёт первой, так это считай и не драка была. Так, с Барсиком дурачились, а он упал с лестницы и указательный палец на руке сломал.

Не стала отвечать, это у нее риторические вопросы посыпались.

– Когда ты уже повзрослеешь?

Красивый у нее голос, мелодичный. Пока не повторишь в голове фразу два раза, не поймёшь, что она ругается.

Видимо никогда не повзрослею. Да и толку в этом я не видела. Оставаясь ребёнком, можно творить глупости, не переживать о проблемах и наслаждаться жизнью. Взрослым этого не дано.

– Прости... мам, – опустила глаза в пол я.

Стыдно, конечно, но лишь за то, что опять попалась. Шестнадцать лет, а так и не научилась не влипать в неприятности. По документам мне, кстати, было пятнадцать. Не знаю кто ошибся, но в свидетельстве о рождении написали совсем другую дату – перенесли на полтора года. Так что в

Доме мне придётся остаться чуть на дольше.

Хотя, если честно, с моим рождением вообще было что-то не так. Только спустя шесть месяцев после рождения бабушка отдала меня сюда. Информации обо мне не было нигде, я знала лишь имя матери и бабушку, что раз в год в настоящий день рождения приезжает, привозит подарок и снова укатывает в закат на своей премиальной машине.

Почему она не забрала меня, я понимала – любимая внучка Вероника и ее отец жили в особняке, где я была лишь пару раз в гостях. Они считали меня ниже себя и делали вид, будто я не существую. Обидно, не справедливо, но это моя жизнь, и она была такой всегда.

Рая вновь тяжело вздохнула и отпила из граненого стакана с красной полустёршейся печатью "Д.Д. Надежда". Вся посуда была так украшена. Выглядело это настолько убого, что само по себе хотелось добавить слоган "мечты сбываются".

– Посуду моешь две недели. Всю. И три месяца за забор ни ногой! – озвучила наказание она.

Я обреченно кивнула, просчитывая, когда Барсик должен был провести нас с Кариной на концерт нашей любимой группы. Через три недели. Не попадаю. Жаль, конечно, но я переживу. Если меня опять не утащат в окно.

Но это было в миллион раз лучше детской колонии, которой угрожал директор, думая, что я поведусь. Меня максимум на пятнадцать суток посадят. Я же не убиваю или граблю. Ни разу даже жвачку в магазине не украла. Просто по-

падаю в нелепые ситуации.

Я отправила в рот очередную ложку овсянки и, скривившись, проглотила. Да даже я готовлю лучше! Это мне ещё повезло, вязкая каша, приготовленная на воде, была горячей. А если бы пришла на час позже, пришлось бы есть ледяную. Вроде и денег у Дома много – единственное заведение на весь район, много кто жертвует, да и от государства финансирование идет, а ремонта не было считай с основания, с питанием проблемы, да и со всем остальным.

Из грустных мыслей меня вырвал довольный вскрик и топот, усиленный старым деревянным полом.

– Алиска! – орал Барсик, подлетая к нашему столику, словно дикий хряк во время гона, – Ты где была?

Я подавилась чаем и взглянула на этого наглеца, что стоял и с улыбкой переводил взгляд с меня на участкового. Он видел, как меня сажают в полицейскую машину! Даже ручкой помахал на прощание. Знал, что ничего мне не будет, поэтому и не помог. Да и как бы он это сделал...

Доела кашу и взглянула на воспитательницу. Та кивнула, разрешая идти, и вновь улыбнулась Михаилу Семеновичу. Сейчас будут обсуждать мое жуткое поведение.

Я встала, молча отнесла посуду в специальную комнату и, схватив этого... гада чуть ли не за шиворот, пошла в комнату.

– Ты просто... гад! – я посмотрела на парня со всей злостью, на которую была способна, и открыла двустворчатую деревянную дверь, ведущую в общежитие.

Пройдя по длинному коридору, в котором половина стен облезла до бетона, а вторая просто была изрисована, я вышла в женскую секцию и поднялась на второй этаж. Барислав шёл сзади и улыбался как первый деревенский идиот, то есть как обычно. И что я только нашла в нем?

Я его не любила, даже обычной симпатии никогда не было. Барсик был скорее "удобным", как бы жутко это не звучало. Мне было с ним комфортно. Хоть он и впутывал меня в передраги, чаще он же и спасал, к тому же с ним было просто весело. Иногда мне не доставало ощущения настоящего мира вокруг, а он словно сама жизнь, такой же яркий, непоседливый и искренний. Вот я, как пластмассовая кукла, пыталась согреться у этого солнца, впитать как можно больше его света и тепла.

Зачем ему нужна я – другой вопрос, требующий ответа уже несколько лет. В искреннюю любовь я верила смутно, парень любил всех и вся. Причём часто и во всех смыслах. Я же оставалась для него "любовью душевной", как он меня нередко называл, чем вводил в ступор окружающих. Воз-

можно, я и вправду была для него отдушиной от мира фальши и глупости, в котором мы оба обитали. Я достаточно неплохой собеседник, не глупа и главное – умею хранить тайны. Лестная характеристика, только она не моя. Так всегда говорила мне мама, а верила я ей безоговорочно.

– Я знал, что тебя не обидят! Ты лучше скажи, тебя сильно Машка задела?

Я хмыкнула. Знал он. Да я на сто процентов уверена, что не стал бы лезть, даже если бы обидели. Вытащил бы потом, но не вмешался. Причиной тому была условка.

Лезть в его "бизнес" я даже не пыталась, ведь чуть что, и меня первую поведут на допрос. Поэтому здесь работал принцип – много знать вредно. К тому же был шанс разочароваться в лучшем друге, как только узнаю правду. Все-таки Рая воспитала меня моралисткой.

– Меня Раиса ещё полгода назад на борьбу запихала, забыл? – я зашла в комнату и открыла окно, – теперь я могу терпеть боль даже от переломов!

Свежий воздух поступал порывами, дышать стало легче. В помещении похолодало, но терпеть сигаретный дым я не могла. Так уж вышло, что в одной комнате нас было трое, и двое курили. Естественно, специально отведённых мест под это дело не было, поэтому все прятались по комнатам. Раздражало это безумно.

– Закрой! – взвизгнула Марина – одна из моих соседок.

Я презрительно на нее взглянула. Умом девушка никогда

не блистала, как и всем остальным. Мы были одногодками, учились одинаково, да только я ничего не делала принципиально, а она – потому что ничего не понимала.

Она все ещё искренне верила, что наступит великий день, все наладится и над "Надеждой" засияет солнце. Но дня этого не дожидаться, жизнь, она твоя и зависит только от тебя. Само по себе ничего не произойдёт. Солнце не выглянет, пока ты не разгонишь тучи.

– Потерпишь, – ответила я и пронаблюдала, как на парковку подъехала новая машина директора.

Пару недель назад купил, куда только администрация городская смотрит? Дверь открылась, вышел мужчина и ласково закрыл дверцу. Странно что не погладил и не поцеловал. Полтора миллиона как-никак стоит. Счастливое лицо светило до самых ворот и исчезло за кронами деревьев. Пижон хренов.

Его радость была на руку – получу выговор и наказание мамы. А не как обычно – стертые до кровавых мозолей руки от очередного кошмара, что директор трудотерапией называл.

– Карина с Бариславом пришли ещё вчера, а ты – утром только. Опять в ментовке была? – продолжила лезть ко мне эта без чувства самосохранения.

И чего ей от меня надо? Я вообще никого не трогаю. Даже периодически прикрываю ее перед учителями и воспитателями. А она! Не умеют здесь за добро добром платить.

Ну или хотя бы не злом. Именно из-за таких, как она, я не открываюсь людям. У меня два друга, а других я просто не подпускаю к себе. Как бы сказала Карина, в любой ситуации выставляю иголки словно ёж.

Нет, я то промолчу. Но вот Барсик, который вольготно развалился на моей кровати, молчать не способен.

– Заткнись уже. Дел других нет? Вали вообще отсюда!

Ну вот, все слишком предсказуемо. Жалко ее немного, хоть она и лезет куда не надо, плохого ничего не совершила. Девушка надула губы, встала и выскочила в коридор, хлопнув дверью так, что потолок чуть не обвалился.

Время неумолимо шагало вперед, приближаясь к девяти утра. Хотелось спать, но меня ждал весьма продуктивный субботний день. Кто вообще придумал шестидневную рабочую неделю? Надеюсь, жизнь у них не слаще моей.

Карина вошла в комнату, с трудом закрыв дверь – петли погнулись от хлопка этой кикиморы Марины. Укутанная в длинное полотенце девушка сначала привычно оглядела комнату на предмет нахождения здесь Барсика и, закатив глаза, указала парню на дверь.

Он встал и, бросив мне "жду в столовой", удалился, выгнув дверные петли на их законное место.

– Интересный он – когда я переодеваться собираюсь и его выгоняю, он глаза закатывает. А на тебя взглянуть боится! Сразу выбегает, даже просить не надо, – прошипела Рин, вытирая влажные волосы.

Никогда не обращала на это внимание. Он и вправду относился ко мне не так, как к другим девушкам, но я считала это издержкой того, что мы встречаемся. Да только... он меня даже не целовал ни разу. Словно боялся, что разобьёт как хрустальную вазу. Относительно сдержанно вёл себя со мной, не то что с другими. Как-то пришлось увидеть его "в деле". Кардинальные изменения. Никаких тебе смешков и глупых шуточек, всегда предельно собранный и строгий, будто всю эмоциональность выкачали.

– Скажешь Барсику, что вечером увидимся. Не хочу есть, – сказала я и схватила с полки шампунь.

Подруга отстранённо кивнула и продолжила одеваться.

Собрала себя в кучу и, взяв остальные ванные принадлежности, пошла мыться. С душем у девушек все было демократичнее: один на шесть человек, то есть на две комнаты.

Вновь коридор и небольшой закуток-прихожая. К моему счастью тут никого не было, так что я зашла и закрылась на щеколду. Хорошо, что поела раньше, сейчас хоть не придётся ждать в очереди, и принять душ можно спокойно, без вечногo стука в дверь.

Помылась я быстро, ничего не могу сделать с этой привычкой. Сразу высушила и выпрямила утюжком короткие сожжённые волосы. Когда-то они были длинными и темными. Рая все детство называла меня "кудряшка". Но когда мне исполнилось двенадцать, в мозгу что-то замкнуло: обстригла волосы, начала выпрямлять их, носить бесформенную одеж-

ду и влипать в истории. Переходный возраст наступил рано и испортил меня, полностью преобразив. Милая отличница Астафьева Алиса превратилась в Белку – ленивую разгильдяйку, неадекватную бунтарку, которая связалась с кампанией таких же придурков.

Мне нравилось казаться плохой для других. Чувствовать, что ты чем-то отличаешься от толпы. Ты – индивидуальность, а не часть стада. Ты – другая. Без разницы как кто к тебе относится, часто в спину мне летели зависть, злость и агрессия и иногда обоснованные обвинения. Но это было побочным эффектом моей "злой маски", что вросла в кожу и уже не снималась.

Было ли это средством защиты от внешнего мира? Возможно. Может быть на фоне собственной жизни я стала такой. Черствость и желание бороться с системой воспитаны во мне судьбой. Но я сама приняла их, не пыталась справиться с негативными эмоциями и сдалась. Так что основная часть вины лежит на мне, и я никуда от нее не денусь.

Из-за близкого выходного сегодня был сокращённый день. Однако менее скучным он от этого не стал. Почти всю начальную школу я была отличницей и гордостью Дома. Круговорот олимпиад и конкурсов занимал все моё время и не оставлял места для передышек. Периодами голова просто разрывалась, зато меня все любили и ставили в пример. Я была зависима от похвалы.

Пока в один прекрасный день скорая не увезла меня в больницу с нервным срывом. И все потому, что девочка из моей группы указала мне на мою же ошибку. Такое простое действие с ее стороны привело к глобальным изменениям в моём сознании. В этот день я поняла, что похвала окружающих меня людей полна зависти и притворства. Никто искренне даже не переживал за меня! Тогда солнце моего мира упало на землю и сожгло все к чертовой матери.

Первую неделю мне было больно, падение всегда мучительно. Тем более, когда теряешь "друзей", которым, как оказалось, ты была не нужна. У меня осталась лишь мама и наверное двое тех, кого всерьёз я никогда не воспринимала.

Я выросла и осознала ценность дружбы. Но ребёнка, что смотрел на солнце не щурясь, не осталось. Он погиб, сломавшись о жестокость детского дома.

Я лежала, облокотившись на парту, и смотрела, как медленно текут облака за окном. Учитель рассказывал о русской классической литературе девятнадцатого века. Интересная тема, но слушать её я не могла, так как изучила всю школьную программу по литературе ещё в третьем классе. Сейчас мое внимание привлекали совсем другие книги. Запойное чтение фэнтези словно отделяло меня от поганой действительности. Но это лишь снимало боль, не лечо рану.

– Алиса, а как думаешь ты? – спросил преподаватель.

Я прослушала предысторию вопроса. В любой другой день я бы переспросила и ответила, но не сегодня. Усталость

и ужасное настроение не смогли сдержать лавину негатива к этому убогому Дому, убогой жизни и чертовски убогой вселенной, которая затолкала меня сюда!

– А хрен его знает, – выдавила я самое приемлемое, на что была способна в данный момент.

Тишина оглушила. Кто бы знал, что я не одна такая с плохим настроением. Все как обычно смотрели на меня с усмешкой и осуждением. Каждый из них считал себя лучше и умнее меня. Возможно, так оно и есть, глупо задирать нос, не зная мотивов чужих поступков. Призывно улыбнулась им, настраиваясь на крики или что-то подобное.

Ну же! Я заслужила их! Заслужила быть исчадием ада среди ангелов.

– Выйди из класса, – спокойный голос учительницы.

Хорошего отношения я была определенно не достойна. Так почему бы не наказать меня?

Кивнула, устало улыбнулась и собрала свои вещи. Их было немного – я даже учебник не достала. Медленно побрела между партами, чувствуя, как силы покидают тело.

Тяжело. Даже слишком.

Вышла из кабинета, тихо прикрыв дверь, и села на пол, прислонившись к холодной грязной стене. В сон клонило безбожно. Скажи мне сейчас кто-нибудь о том, что я умру, если не встану, то я отвечу, что жажду смерти.

Вновь взглянула на небо, на котором с таким же как и раньше рвением плыли облака. Никогда не ассоциировала

их со свободой. У них тоже существуют ограничения. Поток ветра, давление и высота сговывают облака так же, как людей – правила.

Встала на ноги, тяжело поднявшись по стенке, и пошла в сторону собственной комнаты. Неприятно будет получить ещё один нагоняй за то, что уснула здесь.

Учебные коридоры были пусты, оставалось двадцать минут до конца урока.

Шум из мужского туалета привлёк мое внимание, так что я нырнула в его смог, надеясь качественно провести время за разговорами с местными наркошами.

Двери здесь не было по понятным причинам – это создавало дополнительную вентиляцию, разгоняя насквозь прокуренный воздух. Только поэтому здесь возможно было находиться, не задыхаясь и не кашляя словно туберкулёзник. Кабинки без дверей и иногда стенок заполнили накуренные чем попало ученики. Парни и девушки приветственно махали мне руками и улыбались, показывая желтые крошащиеся зубы. Они были в миллиард раз приятнее и проще тех, кто совсем недавно скалился от того как меня выгнали из кабинета.

– Прогуливаешь? – хохотнула Карина, которая выходила отсюда только поесть и поспать.

В руке ее тлела самокрутка, а покрашенная ещё утром помада сияла алым пятном на щеке. Я подошла к подруге и стёрла пальцем этот кошмар.

Девушка была пьяна или под кайфом. Ничего нового. Я бы удивилась, если бы она была трезвой.

Села на грязный пыльный подоконник и втянула носом свежий воздух из разбитой форточки. Стало легче.

За окном шумел город. Расположение этого окна дарило возможность наблюдать за тем, что происходит снаружи. По большей части из-за этого этот туалет и выбрали для таких посиделок. К тому же через окно можно без проблем сбегать, благо это первый этаж.

– Барсик сказал, что сегодня не придет, – сказала Рин и сделала ещё одну затяжку.

Я невесело ей улыбнулась и вновь взглянула в окно. Я хотела исчезнуть отсюда. Атмосфера "хорошей" половины Дома давила, только в таких компаниях можно было найти отдушину, как бы абсурдно это не звучало.

Да, я была другой. Не такой как они, но с ними мне было легче. Это мотивировало меня.

– Что будем делать вечером? – сегодня подруга была на удивление разговорчивой, хоть язык у нее и заплетался.

Я пожала плечами, а потом задумалась.

– Меня ждёт наказание часов до семи. А потом лягу спать, – посмотрела на скуксившуюся девушку.

Везёт ей. Она спала в прошлую и позапрошлую ночь. Вчера мне удалось прикорнуть на час и на этом все. Даже квашеная капуста не такая квашеная как я сейчас.

Тишина коридоров резко оборвалась хрипяще-рычащими

звуками старого громкоговорителя и на весь корпус раздалось:

– Астафьева Алиса. В кабинет директора.

Это было более чем странно, потому как настолько "серьезно" вызывали в двух случаях: ты крупно накосячил, или тебя пришли усыновлять. Второе было невероятным, так что я, скорее всего, буду получать очередную порцию тумачков по поводу вчерашнего.

Я переглянулась с Рин, прыгнула с подоконника и в задумчивости вышла из дымовой завесы. Да даже мое грядущее наказание не стоило того, чтобы вызывать по громкой связи!

Резво пробежала коридор и пролетела мимо приоткрытых дверей в бухгалтерию и мамин уголок. Рывок, и я открываю дверь. Секретарь встречает меня предвкушающей улыбкой на "золотых" вставных зубах.

– Заходи. Тебя уже ждут.

Внутри все похолодело. Сердце стучало как заведённое, реагируя на приближающуюся опасность. И даже Барсика, который мог бы меня спасти, в Доме нет. Страшно.

Но я отворяю очередную дверь и со смелым видом захожу в помещение.

За столом сидели директор, напротив мужчина в строгом сером костюме и только что упавший в кресло секретарь директора. Все смотрели на меня, не отрывая взгляд.

– З...здравствуйте... – прошептала я, вмиг опустившимся

ГОЛОСОМ.

Петр Яковлевич необычайно радостно мне улыбнулся, заставив все тело содрогнуться от неожиданности. Я встала столбом, чувствуя, что в горле застрял ком.

– Присаживайся, Алиса, – ласково начал директор, все больше вгоняя меня в ступор, – знакомься, это – Александр Ромэн.

Я села за длинный стол и внимательно начала рассматривать мужчину напротив. Ничего необычного. Темные волосы, стриженные коротко и не очень ровно, серые глаза и очень строгий вид.

– Он секретарь твоего отца.

Я замерла и скривилась.

– Леди Алиса, – мужчина встал и поклонился мне.

Оглядела его, не в силах вымолвить не звука. Посмотрела на такого же недоумевающего директора. Петр Яковлевич тоже взглянул на меня, но его лицо озарила мысль, и он воскликнул:

– Вы не говорили, что ее отец – кто-то из верхушки!

Секретарь пренебрежительно оглядел директора с ног до головы и проигнорировал.

Я уже ничего не понимала. Интерес был где-то на задворках, голова болела, не в силах вынести новую информацию. Мне срочно нужно было поспать, иначе свалюсь в обморок или чего похуже. Но я не могла поддаться собственным желаниям. Здесь и сейчас я не имела права голоса. Если уйду,

то последует более жестокое наказание.

– К сожалению, Ваш отец – Лорд Асгард, не смог приехать за Вами лично, поэтому отправил меня в качестве своего представителя, – новый виток слов секретаря моего отца, что отпечатываются в моей голове.

Лорд? Странное обращение секретаря к своему боссу. Всегда подозревала, что власть имущие люди этого мира – чокнутые. Но не до такой же степени! Хотя, может мой отец – иностранец? Глупо забивать голову не нужными домыслами, сейчас меня это мало интересовало.

Мужчины говорили об этом странном Асгарде, или как его там, как о моем отце. Никто из них не ставил под сомнение этот, скажем так, "термин" в отношении меня! Никто не собирается меня удочерять. Он и есть мой биологический отец.

Осознание накрыло волной неверия и яркой вспышкой понимания.

– Если Вы готовы, можем отбыть сейчас, – спустя пару минут заявил секретарь.

Он не давал выбора, лишь выдал утверждение. Откажись я сейчас, то, скорее всего, получу взбешённого "папочку", который примчит через пару часов и силой увезёт в мой новый "Дом". Мне это не нужно. "Зачем" и "почему" – вопросы не для этого момента, сейчас я должна справиться с этими проблемами, а не добавлять новые. Так что беру себя в руки и пытаюсь контролировать панику.

– Можно мне время до завтра? Хочу собрать вещи и попрощаться со всеми, – хриплый сбивающийся голос выдавал эмоции.

Но никто не отреагировал на него. Мужчины улыбались мне, каждый со своей целью и пониманием ситуации.

Директор "Надежды" делал это заискивающе и облегченно. Он был рад моему скорому отбытию, но что-то заставляло его переживать. Может то, что в любую секунду я могла пожаловаться на неприемлемые условия жизни, казнокрадство и неправомерные действия его и сотрудников Дома? Все это было неправильным, однако Петр Яковлевич с таким же рвением закрывал глаза на многое, что здесь творилось без его участия, по большей части бросая пыль в глаза администрации.

Я молчала всегда и собиралась делать это впредь. На кону стояла не одна моя жизнь.

Секретарю отца видимо было свойственно улыбаться так, будто я сейчас упаду на пол и буду биться в истерике. Он будто ждал этого и был готов к прыжку, дабы спасти даму из беды. Это несколько выбивало меня из колеи.

– Хорошо. Завтра утром я буду здесь, – с сомнением взглянул на меня мужчина.

Снова ситуация без выбора. Никогда не любила таких людей. Однако в этом виноват не секретарь неожиданно появившегося отца, а сам загадочный "Лорд Асгард", который даже не соизволил явиться за доченькой лично. Не думаю,

что в ближайшем будущем мы с ним подружимся и будем вместе плюшки печь. Так что, как бы богат и влиятелен он ни был, я собираюсь не узнавать его до конца своей жизни. Потому завтра, как только явится Барсик, я исчезну из жизни Дома навсегда.

Мне будет жаль, что я больше не увижу маму и Карину, которая вряд ли захочет бежать со мной. Но меня здесь ничего не держит. Я всегда была вольна в своем выборе: уйти или остаться. Сейчас чаша весов качнулась в сторону первого. Надеюсь из-за меня ни у кого не будет проблем. Ведь дети и подростки, пропадающие и возникающие, словно из пустоты, здесь – не редкость. Мой случай так же замнут, а я буду уже далеко.

Спокойно встала, подчёркнуто вежливо попрощалась и вышла из кабинета. Прошла по коридору и свернула в столовую.

Куча мыслей витала в голове. Да я даже представить себе не могла такого развития событий! Рой, который жужжал в сознании, лишь усиливался, словно там образовался улей. Мне было плохо, немного тошнило. Однако в сон клонило больше всего, так что я боролась именно с ним.

Меня ждало наказание на кухне, однако стоило мне войти в неприметную серую дверь, как легкие сжало, а в голове стало пусто. Я села на каменный пол и опёрлась спиной на мойку. В глазах потемнело, и я завалилась на бок.

Я потеряла сознание.

Пробуждение было резким. Я вздрогнула от едкого запаха нашатыря, что ударил в нос и голову. Веки были тяжёлыми, так что разлепить их я смогла попытки с десятой. В голове гудело и стучало, словно там завелись птички, и резко наступила весна. Сесть не представлялось возможным, из-за чего я просто смотрела на Раю, которая расположилась на деревянном выкрашенном белой краской подоконнике и нервно перебирала какие-то бумажки.

Медсестра с куском ваты вышла в другую комнату и прикрыла за собой дверь.

Мы находились в медпункте. Окна здесь были большие, зарешеченные, и дуло от них полноценными потоками ветра. Как только мама могла стоять к одному из них спиной? Я лежала на кушетке с кожаной обивкой и морщила нос от запаха. Мне всегда казалось, что так пахнут медикаменты и инструменты медсестры, однако по какой-то причине в заброшенных больницах пахло так же. Он всегда казался мне неприятным, скорее всего из-за ассоциаций из детства. Я была болезненным ребёнком: вирусы из всей группы в первую очередь одолевали меня, причём дольше и сильнее всех. Часто ломала кости, падала и зарабатывала ушибы. Из-за этого Раиса постоянно писала объяснительные директору, а тот

в свою очередь отчитывался перед врачами, искренне верящими, что меня здесь избивают.

Забавно это, если не брать в расчёт, сколько головной боли я привнесла в жизнь мамы.

Женщина искоса взглянула на меня, но заметив, что я рассматриваю ее, встала и подошла к кушетке. Ее ласковая рука погладила мою щеку, нервно поправила волосы и упала к ней на колени.

– Как себя чувствуешь? – спросила та, кто стала мне настоящей матерью.

Я искренне ей улыбнулась, чуть приподняв уголки губ. Вышло, скорее всего, жалко, потому как Рая опустила усталый взгляд к полу и тяжело вздохнула.

– Нормально, – я попыталась привстать, но завалилась обратно под тяжестью собственной головы, – долго я здесь пролежала?

За окном всё так же было пасмурно и немного сумрачно, потому сама я определить время не могла. Ко всему прочему я чувствовала себя отдохнувшей и выспавшейся. Не могла же я проваляться в отключке сутки? Тем более меня разбудили нашатырем, а толку в этом не было, если бы я спала, а не находилась в обмороке.

– Минут десять с того момента, как тебя повара нашли.

Интересно, сколько я пролежала на кухне до этого? Но это было не важным. Главным все ещё оставалось то, что у меня есть половина дня и вся ночь на осуществление плана побе-

га. Часов в шесть утра приедет Барсик, которому будет поведана вся история и передана моя брэнная тушка для спасения.

– Я знаю, что тебя хочет забрать отец, – неожиданно начала мама.

Меня покорило от этой мысли. Не хотела я говорить об этом с ней. Женщина не заслужила слышать о моей трусости. Да и я не привыкла кому-либо плакаться о тяжелой судьбе. Даже Карина и половины всех моих мыслей и чувств не знала. С Раей у нас были хоть и близкие отношения, но я ей ничего не рассказывала. По удивительном стечению обстоятельств она сама обо всем узнавала первой и иногда успевала отговорить меня от глупостей.

– А ещё я знаю, что ты собираешься сбежать.

Ну вот! Только подумала о ее сверхразуме, как мне продемонстрировали ни что иное, как чтение мыслей. А если быть серьезной, откуда она узнала? Я сама это придумала двадцать минут назад!

– А теперь послушай меня внимательно! – ее голос вмиг стал строгим, так что я даже удивилась, – если ты сбежишь сейчас, то ни я, ни кто-либо другой не сможет помочь тебе. И уж тем более Барислав!

Я промолчала. В её словах была доля правды, но я была уверена, что смогу выжить там, за оградой! Я смогу вытерпеть голод и холод. Я смогу подняться из грязи!

Видимо мои умозаключения отразились на лице, потому

как Раиса зло на меня взглянула.

– Упрямство всегда было твоей сильной чертой, но сейчас оно погубит тебя! В нашем мире существуют куда большие опасности, чем ты можешь себе представить!

Это было сказано таким тоном, что я поверила. Да и были у меня хоть один повод думать, что она не права или желает мне зла? Определенно нет. Да я себе верила меньше, чем маме, ведь она не ошибалась. Никогда. Она словно чувствовала, что произойдёт в определенной ситуации. Директор не раз смеялся, говоря, что она экстрасенс.

– Ты поедешь к отцу.

Я не понимала, чего она добивается. Странно звучали из ее уст слова о "папочке". Откуда она может знать о том, что он хороший человек и, допустим, не пустит меня на органы? Господи, какой кошмар лезет мне в голову!

– Недолго, но ты будешь в безопасности с ним. А потом за тобой приду я. Все будет хорошо.

Она успокаивала больше себя, чем меня. Отрывистые убеждающие предложения выдавали ее с головой. Лоб был сморщен от кучи нехороших мыслей, что роились в голове. Я знала ее всю свою жизнь. Даже знала, что в следующую секунду она потрёт точку меж бровей от волнения.

– Я сделаю так, как ты мне сказала, если тебе будет от этого легче, мам, – произнесла я и взяла ее за влажную от стресса руку.

Жертвенность мое второе имя. Чтобы не произошло в

прошлом, как бы не клялась я сама себе не делать так впредь, ради ее спокойствия я готова на все. Даже познакомиться со всей семьей враз и по отдельности. Если будет совсем плохо, то сбегу.

Хотя, Рая же пообещала прийти за мной. А она всегда держит слово. Даже если условий для выполнения нет, или они направлены против нее. Я ей верю.

– Хорошо. Тогда отдыхай и набирайся сил.

Женщина встала, поцеловала меня в лоб и пошла в сторону двери. Плечи ее были опущены, поступь тяжелее, чем обычно, а взгляд был направлен четко вперед. Мне казалось, что она переживает больше меня. Возможно, так и было, однако на ее лице это никак не отражалось.

Мама резко остановилась перед самой дверью и стремительно обернулась. Она смотрела на меня своими яркими зелёными глазами, в которых сейчас не было и тысячной доли того, что обитало в них обычно.

– Я люблю тебя, Лесси. Я всегда буду рядом.

Я смотрела в наполненные слезами глаза и чувствовала, как мои тоже слезятся.

Я бы променяла тысячу "отцов и матерей", лишь бы она была со мной.

– Я тоже люблю тебя, мам, – сказала я закрытой двери.

Она выскользнула наружу, не желая слышать меня. Ей тоже было больно от этой ситуации. Именно поэтому я не хотела говорить ей. Намного легче знать, что когда меня здесь

не будет, она отпустит, забудет и переживет все это хоть не с улыбкой, но без обещаний и переживаний. Какой бы эгоисткой я не была, я желала ей только счастья.

Минут через двадцать попыток, я стояла, держась за стену и пошатывалась как после жуткой пьянки. Ноги собраться было сложнее всего, но и с этим я справилась.

В голове стучала кровь, что-то звенело, и в глазах периодически темнело. Но лежать в последний день моего здесь пребывания было бы самым глупым решением, так что я привела себя в порядок, ополоснув лицо ледяной водой. Что-что, а упёртости мне не занимать.

Медленно все так же по стенке, я сходила до комнаты, надела плащ и спустилась вниз. Вахтерша недовольно сморщила губы, но молча проследила за моей неуверенной походкой. О чем она сейчас думала, можно было только догадываться. Наверное, будь я идеальной во всем, она бы все равно меня не любила. Просто потому что я – это я.

Дверь открывала с кряхтением на весь Дом, но никто не рванул на помощь. Что, кстати, не было удивительным. Здесь или всем все побоку, или очень приятно на душе от твоих мучений. Даже я относилась к первой касте.

С первой же ступени наступила ботинками в лужу. Дождь закончился, но сырость долго будет уходить, то замерзая, то тая под воздействием переменчивой осенней погоды. Ненавидела это время года всю свою жизнь. В нашем регионе золотая осень была лишь пару недель, потом наступали туман-

ны, дожди и ветер со снегом, что тут же таял.

Я направлялась к ветхому строению за основным зданием, потому обошла корпус по бывшему газону, который сейчас выглядел как жижа из травы, воды и грязи. Дальше шёл неухоженный парк, больше напоминающий лес, и родник, заваленный мусором.

У самого забора лет двадцать назад была построена деревянная смотровая башня. Для чего и почему здесь – особые вопросы, однако ответы не знакомы даже самому директору, который её проектировал. Но вскоре после постройки тут обосновались группировки. Здесь было теплее, чем на улице, сухо и безопасно, потому как никто сюда не ходил.

На первом этаже за деревянными столами сидела пара младшеклассников, которые очень хотели попасть наверх, но их не пускали из соображений безопасности. То есть, чтоб потом не болтали лишнего. Приветственно махнула им рукой и полезла по разбухшей от сырости лестнице наверх. Меня сопровождали завистливыми взглядами, пробурчали что-то неразборчивое и вновь занялись обсуждением своих "проблем".

Наверху мне подали руку и практически подняли, поставив на устойчивую поверхность. Поблагодарила своего спасителя и нырнула в дверь слева. В нос мне ударил запах тепла, дыма и паров алкоголя – запах моей жизни.

Старые, списанные из Дома, кресла, диваны и другая мебель почти полностью были заняты Кроликами – местной

группировкой, названной так, потому что у их главаря два передних зуба были большими и кривыми. Под приветственные крики и улюлюканье села на незанятое место и получила пластиковый стакан с мутным разливным пивом. Кислятина заставила сморщиться, но моментально согрела нутро. Это потому что они в неё водку или спирт добавляют, пускай немного, но пробирает ощутимо.

Сегодня они праздновали. Никогда не спрашивала, что именно и откуда у них на это деньги, но предполагала, что не с продажи сахарной ваты и надувных шаров. Я просто была рада, что рады они. Это немного грело душу, потому как жизнь говном здесь считала только я.

Дверь открылась и в каморку ввалилась Карина. Девушка взглядом быстро нашла меня, грустно улыбнулась и села рядом. Надеюсь, она не собирается начинать реветь или обсуждать мое завтрашнее отбытие! Потому как это будет тяжело.

– Сваливаешь? – спросила она меня, оглядывая словно в последний раз.

М-да. Именно это она и начала.

– Что-то типа того, – ответила ей, не желая вообще начинать этот разговор.

Избегание – первый способ жить без страданий. Один из главных моих принципов.

– Кидалова ты, Белка! – завопил главный кролик, чем вызвал смешки остальных.

Я улыбнулась ему, но промолчала. Серьезно, я всю жизнь

ныла о своей хреновой судьбе, но стоило появиться шансу, как я делаю сто шагов назад. Страх, нежелание расставаться с привычным образом жизни и обстановкой тому причиной? Так для чего тогда было жаловаться, если боишься перемен?

Я резко села ровнее, поставила стакан на столик и взглянула в лицо обстоятельствам. Мама права – не стоит упускать возможность, тем более теперь моя мечта осуществится.

– Ты же будешь звонить мне? – подруга совсем погрузилась, в отличие от меня.

Сжала ее руку в своей и ободряюще улыбнулась. На фоне начали выкрикивать "А мне?", вызвав лавину смешков пьяных парней.

– Если меня не запрут в башне и не отберут телефон, – решила разрядить обстановку я.

Рин и вправду улыбнулась в ответ, хоть в глазах и стояли слезы.

Ну вот. Я, если честно, думала, что мне устроят веселое прощание, а не грустные похороны. Я тоже буду скучать по нашим посиделкам, Карине, вечно дымящей как паровоз и выпивающей полбутылки любого спиртного залпом не морщась, Кроликам, которые постоянно дерутся и ругаются, Барсику, который впутывает в глупости и сам же от них защищает, маме и даже по директору со всем его Домом.

– Обещай, что когда-нибудь снова сходим в наше кафе, и ты мне все-все расскажешь! – сказала подруга, в глазах ко-

торой разгорался огонёк любопытства.

Банда уже шумела, что-то бурно обсуждая и заглушая наш разговор. Вновь прибавили громкость музыки, а пара девочек разливала напитки. Про меня забыли уже сейчас, не успела я и уехать. В душе от этого что-то скреблось и кусалось, но так было даже правильной. Я не хотела, чтобы кто-то горевал по этому поводу.

– Обещаю.

Мы с Кариной не были подругами детства. «Не разлей вода» – не про нас. Мы с ней совершенно разные. Но я буду помнить ее любимые песни, голос и цвет глаз. Она стала для меня роднее и ближе тысяч и тысяч других. Она стала моей семьей.

И я справлюсь с грядущими проблемами ради того, чтобы увидеть, как она улыбнётся мне в угрюмом кафе, где мы бывали сотни раз. Расскажет тысячу историй из Дома. Мы выпьем пару коктейлей и будем громко смеяться, как делали это всегда.

Беззвездная темнота ночи сменилась холодными лучами солнца, что пробивались сквозь полупрозрачные облака нового дня. Со стопроцентной вероятностью это был переломный момент моей жизни. Даже будущее сегодняшнего вечера пугало своей неопределенностью. Думать об этом было бы жестоко по отношению к самой себе, так что я полностью просмотрела глупые комедии на стареньком телевизоре

в общей гостиной, а остальную половину проспала, отключившись все там же.

Переживания все же стучали где-то на задворках подсознания, стремясь сломать бетонную стену, которую я выстроила. Думать о грядущем – глупо, пока не узнаешь хоть что-то, что поможет развить мысль. Сейчас я могла впасть в истерию по поводу "Ах, как же страшно бояться!", но это было бессмысленно. Все же я старалась рационально использовать энергию и нервы, дабы не совершить глупость и потратить их попозже, но с умом.

Но вот наступил сам волнительный момент.

Я медленно выходила из главного здания Дома, ступая по хрупкому льду, который хрустел под подошвами изношенных потрескавшихся ботинок. Точно так же сейчас ломалась моя старая жизнь.

Шаг. Ещё один. Я подаю небольшой чемодан на колёсах с моими немногочисленными вещами. Я взяла все, но, тем не менее, заполнила его лишь на половину, что вызывало на моем лице усмешку негодования.

Я хотела лучшей жизни. Вот, мечты сбываются. Желала камешек – лови, Алиса, кирпич от вселенной. Да такой, что попадёт ровно в голову и собьёт с ног.

Оборачиваюсь и просто стою, всматриваясь в Дом. В одночасье я осознала насколько старым и покосившимся выглядит здание, какой обшарпанный забор ограждает территорию, и насколько я боюсь уезжать.

Здесь я прожила почти шестнадцать лет, и все закончится так? Почему-то в моем воображении все рушилось, стоило мне только ступить за пределы корпуса. Или солнце падало на землю, сжигая все живое. Но нет, также, как и всегда, дует промозглый ветер, стоит угрюмый детский дом "Надежда", а из окон торчат десятки любопытных лиц воспитанников.

Секретарь аккуратно кладёт в багажник мои пожитки и открывает мне дверь чёрного «крузака», на котором мне предстояло ехать к отцу. Благодарно киваю мужчине и сажусь на кожаное сидение. Дверь плавно закрывается, отгораживая меня от прошлой жизни.

Шмыгаю носом, стягивая с головы вязаную зеленую шапку, которую подарила мне Карина лет пять назад. Она тогда была другой: любила вязать, играть в карты и морщила нос от сигаретного дыма.

Я вытерла набежавшие слезы и нервно сжала рукав собственного плаща. Но через секунду сдалась и повернулась назад, вглядываясь в пейзаж через тонированное стекло отъезжающего автомобиля.

– Вам стоит пристегнуться, Леди Алиса, – произнес секретарь моего отца, смотря на меня через зеркало заднего вида.

Кивнула ему и собралась уже обезопасить себя, как краем глаза заметила приближающуюся машину Барсика. Парень выскочил, и, не закрывая дверцу, бросился за нами. Глупое как по мне действие, которое все же спровоцировало у меня

новую волну сожаления и печали в сердце.

Но выбор был сделан, а с намеченного пути я сворачивать не привыкла. Потому уверенно отвернулась, села удобнее, пристегнула ремень безопасности и взглянула на дорогу впереди.

Прости меня, Барислав. Может я и стала для тебя важнее других, но я уверена – это быстро пройдёт, и я забудусь, как и десятки, встреченных тобой. Достала из кармана нещадно вибрирующий телефон и отклонила вызов. Хоть на душе от этого стало погано, но я сделала правильно. Все-таки я безумная трусиха.

Водитель одобряюще кивнул и направил все своё внимание на дорогу.

Мимо мелькали серые здания, редкие лысые деревья и машины. Сердце билось в груди испуганным воробьем и вопило, как пойманный в клетку зверь.

Что я могла поделать в этой ситуации? Определенно ничего. Отказаться или сбежать не представлялось возможным с логической точки зрения. Оставалось лишь смириться и плыть по течению быstroходной реки, что несла меня если не на скалы, то к большущему водопаду. Выбор не велик: утонуть или разбиться. Как бы я была рада сейчас спасательному кругу! Да только рядом – никого, а кислород подходит к концу.

Пятиэтажки сменялись приземистыми домиками, что говорило о близком выезде из города. Никогда не покидала его

пределов, так что уставилась по сторонам в надежде увидеть, как минимум черепаху с тремя слонами и конец неба. Увы, мимо проносились скучные поля с уже убранным к зиме урожаем и редкие деревья, что так же потеряли свою привлекательность, раздевшись и потемнев.

Через час дорога стала ощутимо ровнее, ямы и провалы исчезли, а мои веки медленно начали опускаться. Я положила голову на спинку дивана и вяло продолжила следить за хмурым небом.

– Держитесь, Леди, – сказал секретарь, который не удостоил меня и словом за последний час.

Я огляделась было, но с первого взгляда ничего не увидела. Секундная задержка и меня вжимает в сидение, а в глазах пляшут искорки.

В трёх метрах от машины появилось золотое кольцо размером с футбольный мяч. Я поморгала и потёрла глаза.

Что?!

Светящийся круг резко вырос и ярко запылал, наполняясь густым темным дымом. Клубы вспыхивали голубоватым светом, но не выходили за золотое ограждение.

Предприняла попытку быстро отстегнуться и вырваться из салона машины, потому как мы на огромной скорости неслись в зияющее чернотой кольцо. Бешеный стук сердца, мой визг и по непонятной причине не отстегивающийся ремень безопасности сыграли свою роль – машина резко остановилась, а я на глазах у повернувшегося водителя вырва-

лась из пут и открыла дверь.

Меня вывернуло на каменную брусчатку. Я села ровнее, откашлялась и вздохнула свежего воздуха.

Ну и галлюцинации! На фоне нервов, наверное.

Мне вручили украшенный вышивкой белый носовой платок и подали руку. Пока вытиралась, разглядывала мужчину, который все ещё стоял с протянутой рукой. Пепельно-серые глаза смотрели на меня пристально и холодно, я подала руку, без которой и вправду было трудно, и на подрагивающих ногах вышла из машины.

Мужчина выглядел странно: высокий, волосы светлые, будто крашеные, нос длинный в веснушках и уставшие глаза, овитые россыпью морщинок. Межбровная складка говорила о том, что ее владелец часто хмурится, что он и продемонстрировал. На отца не похож, значит, мне повезло.

Однако, где же папочка? Неужели ему не интересно взглянуть на собственную дочь? Мне вот интересно его увидеть. Желательно тут же развернуться и забыть как страшный сон. Но все же!

Отошла от машины, отпустив руку и поняла, что меня не отпустило.

Слева был виден огромный метров триста в ширину водопад, заставивший меня в удивлении и восхищении открыть рот. Стены явно старинных сторожевых башен, опоясанных белой каменной кладкой, мост, перекинутый через быстроходную и шумную реку, горный хребет, со всех сторон, кро-

ме въезда окружающий машину, одновременно напрягали и восхищали. Но больше напрягали, потому как в нашем регионе совершенно не могли образоваться горы и реки с водопадами! Расположение вообще этого не подразумевало, так как ближайшая возвышенность находилась в нескольких сотнях километров.

Может я уснула по дороге и не заметила, как меня на самолёт садили? Здесь даже дорога не асфальтированная, а каменная. Не помню, чтобы такие были где-то поблизости!

Так. Собираюсь с мыслями и сажусь на каменный бортик клумбы, которую мы успели объехать, а я не заметила. Цветы здесь были странные – зеленые с красными стеблями, потому тянуть к ним руки я не решилась.

– Лорд Асгард, Ваша дочь прибыла, – отрапортовал секретарь мужчине, который подал руку, заставив меня при этом удивленно оглядеть обоих.

Вот, значит, какой ты, отец... Не похож на меня ни капли. Значит ли это, что я пошла в мать? Наверное, так и есть, несмотря на то, что бабушка по маминой линии была просто моей противоположностью.

Со всей уверенностью, на которую я сейчас была способна, можно сказать, что любить и ценить меня здесь не будут. Не думаю, что возможно добиться хорошего отношения от мужчины, который смотрит на тебя с таким презрением. Он пугал меня сильнее, чем зрительные галлюцинации и сам факт приезда сюда. Потому я молча смотрела на него и даже

не шевелилась.

– Леди устала с дороги, – сказал папочка грубым властным голосом и направился к двери ближайшего здания.

Я хватала ртом воздух, не понимая, что означает эта фраза и что мне делать дальше. Что вообще здесь происходит?

Но, спасая меня от разрыва мозга, в эту же секунду ко мне подошла женщина в синем платье в пол и воротником под горло. Это на пару секунд ввело меня в ступор.

– Леди, – мне поклонились, – прошу за мной.

Ни один мускул на вышколенном лице не дрогнул, даже глаза казались пустыми и тусклыми.

Резко поднявшись и шикнув на звездочки, плясавшие вокруг головы, заправила спутавшиеся волосы за уши и направилась вслед за, скорее всего, управляющей этого замка. Коттеджем это здание у меня язык бы не повернулся назвать.

Возможно, мы проехали несколько сотен километров, а я проспала в дороге сутки или чуть меньше. А это просто дом моего отца в горах.

Звучит так, будто я под кайфом и пытаюсь выдать фэнтезийный замок за избушку.

– Расскажите, пожалуйста, где я.

Это могло ничего не дать, но попытка – не пытка. Тем более, разбираться во всем лучше начать сейчас, а то потом может стать поздно.

Женщина даже не обернулась на мои слова, все так же шагая с прямой как линейка спиной и отстранённым взглядом.

Даже если она работала управляющей или кем-то подобным у моего отца, то меня считала не важнее ногтя на мизинце. Нет, а на что я рассчитывала? На красные ковровые дорожки и фанфары?

Мы шли по широкой каменной площади с огромной клумбой посередине. Странные сине-зеленые цветы в ней источали такой приторный аромат, что мне захотелось чихнуть. Это тебе точно не пионы за стеной, может гибридные или генно-модифицированные?

Я все больше убеждалась в собственном сумасшествии или наличии галлюцинаций. Ну не бывает такого резкого скачка в природе между близкорасположенными территориями! А я не настолько глупа, чтобы не знать места, в котором прожила шестнадцать лет.

Женщина, не поднимая глаз, начала рассказывать, даже не удивившись моей просьбе. Она, по-моему, вообще эмоции выражать не могла.

– Замок включает восемь башен, так как все замки этого времени, а именно периода войны за будущее строились по единому образцу. А восемь является священным числом у каждой народности этого мира.

Я захлопала глазами. Но промолчала, что странно. Может они здесь курят что-то?

– Белокаменный замок – школа для одаренных детей, директором которой является ваш отец.

Мм-м. Так вот оно что. Буду ли я учиться здесь? Не ска-

зала бы, что у меня появилась безумная тяга к знаниям, но если здесь учат "одаренных" детей, то и программа сложнее, и я не буду скучать. Если не окажусь среди них самой глупой.

– Две из башен, а именно находящиеся ближе всего к нам, заняты общежитиями, собственно, для девочек и мальчиков. Северная, – она указала на ту, в сторону которой мы шли, – и Южная.

Я, еле как заставив себя шагать, попыталась собраться с мыслями. Получалось плохо. Так что пришлось забросить это дело и просто идти.

Мы подошли к одной из башен, прошли по паре коридоров, поднялись по лестнице и зашли в первую от лестницы дверь.

Это была довольно большая комната, стены которой были выкрашены в нежно-сиреневый цвет. У стены напротив находился камин, выложенный изразцами уже бело-сиреновой расцветки с изображением причудливых цветов и птиц. На стенах рядом поместились гобелены, расшитые золотой нитью. На них были изображены дивные сады, с гуляющими по ним женщинами и мужчинами в праздничных нарядах. На полу стояли огромные фарфоровые вазоны с живыми цветами, источающими приятный аромат. Напротив камина находилась огромная кровать с прозрачным практически невесомым балдахинном. По левую сторону были расположены большущее зеркало и дверь гардеробной. Правую стену же занимало окно, перед которым стоял резной столик

и стул с высокой спинкой. Вид из окна был потрясающий: слева находились три белоснежные башни, из центральной струился водопад, шума которого слышно не было.

Это было захватывающе, волшебно, но очень странно. Может у них тут в воздухе что-то распылено дурманящее? Наркоманы хреновы.

– Это ваша комната. В течение получаса придут слуги, чтобы искупать вас и привести в порядок. Я еще нужна вам, миледи?

Помахала головой, ничего не понимая, но искренне веруя, что разберусь во всех проблемах в порядке их поступления.

По факту все, что произошло, можно списать на мою сонливость. Ну или стресс. Или на вещества, которые здесь распыляют.

Я аккуратно села на пол у большой двуспальной кровати. По сравнению с монструозной обстановкой я казалась себе одинокой пылинкой на кристально чистой поверхности мрамора – слишком уж я сюда не вписывалась. Поэтому портить это собою казалось мне кощунством.

Я чувствовала себя некомфортно. Хотелось к маме и Карине. Это было нормально, но я все равно ощущала собственные малодушие и слабость, которые проявляла в этой ситуации. Я должна быть сильнее. И не потому, что я так считаю, а потому, что так сказала Рая – женщина, которая воспитала меня. Придёт время, и она будет здесь. Где бы это "здесь" ни было.

Ещё одним кошмаром звучала фраза "Придут слуги, чтобы искупать тебя и привести в порядок". Что это вообще может значить? Я и сама могу принять ванну, хоть и не кажусь себе грязной. Да, моя одежда не такая новая, как платье этой управляющей, но она чистая и даже не помята. Я всегда за этим следила – ненавижу неопрятных людей.

Эфемерные "слуги" меня вообще пугали, потому как, если они такие же, как их начальница, то можно мне обратно в Дом? Там ко мне относились лучше.

Я ощущала себя маленькой девочкой, которая, будучи загнанной зверьком, забила в угол и не может решиться выйти к людям. Человеком, который боится перемен и бежит от них, постоянно упуская что-то важное. Наверное, я просто устала. От грубости окружающих, от вечных проблем и ожиданий близких мне людей, которые слой за слоем скрывают твой выбор.

Возможно, завтра или через неделю наступит солнечный день, и он будет ко мне ласков. Жаль только, что этот день – не сегодня.

Походив по комнате как зомбированная, я вышла в пустой коридор. Мне нужно было освежиться после жуткой поездки и последовавшей за ней тошноты, а с другой стороны от лестницы я заметила значок туалета на двери. Подмечать детали – нужное как по мне качество, и именно им я обладала на достаточно высоком уровне. Не раз это спасало мне жизнь или хотя бы направляло в нужную сторону.

Ковровая дорожка немного скользила по начищенному полу, вызывая улыбку на моем лице. Забавная деталь интерьера, правда совсем не практичная. Кажется, мой отец – транжира.

Дверь была самой обычной и неприметной, однако сейчас из-за нее доносились крики и что-то отдаленно похожее на плач. Я толкнула её и вошла в чистое помещение уборной. На секунду остановилась, потому как на кафельном полу сидела девушка и лепетала что-то непонятное, слезно умоляя парня, стоящего над ней. Картина была достаточно знакомой, так что я, не обращая внимания на то, что они замерли и умолкли, прошла до раковины и включила холодную воду.

– Эриен? – неожиданно спросил парень.

Я повернула голову в его сторону, понимая, что он обращается именно ко мне. Язык был мне незнаком, я пожа-

ла плечами и отвернулась от них. Мне было все равно, какую драму я им тут испортила, потому как у самой все было наперекосяк. Если я им мешаю, пусть идут в более уединенное место. Всегда считала, что выяснение отношений в общественных местах – повод для распространения сплетен. Хочешь славы, значит устрой трагедию на потеху остальным.

– Валас эрикэ генро? – очередная абракадабра, на которую я так же не обратила внимание.

Брызгаю водой себе на лицо и чувствую себя легче. Ну, хоть голова не болит, и не тошнит больше. Улыбнулась самой себе в зеркале. Отражение имело такой измученный вид, что в гроб краше кладут.

Никогда не считала себя красавицей, однако тут все было просто кошмарно. И даже не из-за растрёпанной старой одежды или розовых секущихся волос – сама я выглядела болезненно бледной и уставшей.

– Мирав!

Он когда-нибудь заткнется?

– Я тебя не понимаю, – сказала я и вышла из помещения, – и я искренне этому рада.

Не считаю нужным быть вежливой с человеком, который с усмешкой смотрит на девушку, упавшую к его ногам. Возможно, происходи там что-то действительно жестокое, я бы вмешалась, но сейчас это было лишним. Девушка, скорее всего, виновата сама, потому как сейчас униженно сидела перед издевающимся парнем и плакала, даже не предприни-

мая попытки подняться. Её вина как минимум в том, что она слаба и...

И я захожу обратно, подлетаю к парочке и хватаю ошарашенную брюнетку за руку. Несмотря на хрупкую комплекцию, физической слабостью я никогда не страдала, так что относительно легко подняла ее и поставила на ноги. А дальше: вывела из туалета и захлопнула перед носом ее спутника дверь. Хотелось бы запереть, но здесь даже щеколды не было.

Мы долетели до моей комнаты в скоростном режиме, пробуксовав пару раз на скользком ковре. Перед самой дверью я резко затормозила, не учтя того, что я с прицепом, из-за чего мы вместе завалились на блестящий пол. Что странно, прицеп никак на это не отреагировал – она лишь села поудобнее и опёрлась на стену. Я же продолжала лежать пластом посреди коридора и втыкать в потолок.

В этот момент у меня словно закончились все силы, и смысла продолжать шевелиться не стало. Надо мной раскинулась завораживающая лепнина в викторианском стиле, о которой мне хотелось думать в миллиард раз больше, чем о собственном будущем.

– Не нужно было... – шепотом сказала девушка, заставив меня вздрогнуть.

Значит, только парень говорит на другом языке? Может он вообще меня не понял?

Сама по себе ситуация патовая: подбегает ненормальная, хватается тебя и бежит куда-то, чтобы потом уронить и просто

лежать, глядя в потолок. М-да. Я бы как минимум смотрела на нее с непониманием.

Но, кажется, я не одна такая с "жизненными" нерешаемыми проблемами. Мы обе ничего не хотим.

– Эй! – к нам вразвалочку шел тот самый парень из туалета, – ты что творишь?

Грубо. Даже не смотря на то, что первая ему нагрубила я. Неприятно, однако я не очень понимала, зачем идти за нами, если по виду девушка доставляла ему одни неудобства.

– Уйди, – под стать ему грубость, между прочим.

Под стать ему грубость, между прочим.

– Как тебя зовут? – высокомерно, но заинтересованно спросил он.

Ну вот, я опять во что-то ввязалась. Почувствовав острую необходимость обуздать свой скверный характер, я села в позу лотоса. Некомфортно общаться с человеком, когда ты в прямом смысле лежишь у его ног.

– Майкл, не надо! – взмолилась девушка, жалобно глядя на высокомерного уродца, который решил развлечься ещё и за мой счёт.

Было приятно, что кто-то решил за меня заступиться, однако я не чувствовала себя в опасности перед ним. Меня вообще мало что интересовало, кроме собственной глупости и неосторожности.

– Я не с тобой разговариваю! – бросил он девушке.

Голова вновь загудела так, что я потёрла виски и закрыла

глаза.

– Алиса. Меня зовут Алиса, – ответила я, пытаюсь сгладить назревающий из-за меня конфликт.

Но или вид у меня не подразумевал неконфликтность, или этот Майкл был слишком высокого о себе мнения, допрос продолжился:

– Из какого ты рода?

Непонимающе на него взглянула и для пущего эффекта нахмурила брови. Мою сквашенную физиономию проигнорировали, все так же выжидающе наблюдая. Он бы ещё ногой притопнул!

– Эмм... Астафьева?

Нет, у меня при слове «род» только фамилия в голове всплывает. Может, он неправильно со своего языка перевёл? Или у них это так называется?

Парень хмыкнул и сквасился мне в ответ. Все же не то? Или ему моя фамилия не понравилась?

– Ясно. Значит так, Алиса. В этой школе вместе учатся как наследники великих родов, вроде меня, так и такой мусор как ты, – глядя на меня сверху вниз произнес он, – но это вовсе не означает, что мы равны.

Я улыбнулась, вспоминая, сколько таких слов было сказано мне в Доме. Да там каждый второй считал себя лучше всех! Раньше я что-то отвечала на это, но сейчас... сейчас мне были побоку высокомерные слова напыщенного индюка, который не стоил и ноготка той, что сидела у его ног в

уборной. Девушка хотя бы попыталась защитить незнакомо-го ей человека, он же сразу начал унижать. Ну и кто из нас мусор?

– Так что, если ещё раз посмеешь меня игнорировать – тебя ждёт очень невеселое будущее! – угрожал он, даже не замечая, как моя улыбка переросла в оскал, – надеюсь, ты меня поняла!

Парень резко разворачивается и уходит, держа спину, будто солдат на плаце.

Я хохотнула и взглянула на девушку, которая снова всхли-пывала и обнимала себя за плечи. Ей было плохо, но она старалась плакать тихо, словно не желала, чтобы ее услышали.

Красивая, даже очень: длинные каштановые волосы с легкой волной, яркие голубые глаза и кукольные черты лица. Если этот парень, который, по моему мнению, не особо бли-стал красотой, отверг такую модельную красавицу, то я здесь буду чупакаброй.

– Тебе стоит прислушаться к его словам! – девушка вско-чила на ноги.

Ее легкое шифоновое платье взлетело вслед за хозяйкой и раздулось от порывов воздуха. Туфли зацокали звонкими каблуками по полу, а руки старательно вытирали набежав-шие слезы с лица. Она подняла подбородок вверх и пошла в сторону лестницы, качая бёдрами. Нет, чупакабра здесь бы ещё вписалась, я – уже нет.

Я же встала и отряхнула одежду. Да, не царевна, зато са-

момнение ниже, чем у них. Или нет? Не думаю, что не сказала бы спасибо, помоги мне кто-нибудь. Так уж меня воспитали. Интересно то, что они, скорее всего, росли в семьях с родителями, а выросли... Так, не буду думать об этом сейчас.

Сейчас я должна зайти в комнату. Теперь я живу здесь, это мой "дом". Такой же холодный, неблагодарный и злой. Да, здесь нет мамы и банд, что были моим утешением в прошлом. Но я справлюсь. Даже если это будет очень сложно.

Долго просидеть без дела мне не дали. Дверь открылась минут через двадцать, явив за собой восемь девушек с управляющей во главе и кучу коробок, что они несли в руках. Мне бы стоило испугаться уже сейчас, однако я спокойно встала и дала увести себя в ванную. Это было ошибкой, потому как меня стали раздевать. На самом деле это было очевидно, но я как-то понадеялась на собственное помешательство и на то, что меня не тронут по соображениям безопасности.

Ироничным был тот факт, что из этой комнаты существовало ответвление в личную ванную и туалет. То есть, если бы я обследовала помещение как подобает, то легко бы нашла двери за плотным гобеленом. М-да, видимо, ума мне все же не достаёт. Ну или тяги к чему-то. Какой человек в здравом уме будет сидеть как истукан в огромном замке и заниматься самобичеванием? Правильно, никакой.

Мое вялое, потому как удивленное сопротивление встре-

тили непреклонно и без эмоций.

– Девушке вашего положения не пресало все делать самой. Привыкайте, Леди, – сказала мне главная, когда я испуганно сжалась, держа у груди остатки одежды и собственного самообладания.

Ее слова заставили меня сесть на пол и опустить взгляд. Неприятная ситуация, но я не могу позволить чужим людям, пусть это и является их работой, раздевать и мыть меня.

– Я в состоянии сама принять ванну, без чьей-либо помощи! – я поднялась и зашла в приготовленную комнату.

Тихо прикрыла за собой дверь, немного жалея, что замков здесь снова нет. Просторное помещение встретило меня паром и запахом трав и масел. Я сняла последний оплот моего сопротивления и легла в широкую ванну, что стояла перед небольшим окном. Кто вообще окна в таких комнатах делает?

Мыло и другие принадлежности нашлись на сервировочном столике рядом, однако половина из кремов и масел мне была незнакома, так что использовать их я не рискнула. И это было большой проблемой, ведь даже мыло здесь было зеленое и пахло как-то странно, ни то травами, ни то деревом. Звать ту злыдню, у которой высокомерие как домашнее животное – всегда на привязи, не хотелось. Гордость ли это была или вредность, но она мне не нравилась от слова «совсем». Не люблю, когда мной командуют.

Вскоре в двери показалась испуганная голова девушки,

которая на этот раз уважительно и со страхом спросила:

– Могу я помочь вам принять ванну?

Я кивнула. Выбор передо мной стоял такой: или я ищу шампунь сама или спрошу у прислужницы. Рациональность победила.

– Как тебя зовут? – спросила я, не желая видеть испуг в ее глазах.

Странно, я даже не сказала ничего плохого, а последовала такая реакция. Может они подумали, что я – как та "девушка из туалета"? Кошмар. Надеюсь, она меня простит за такое прозвище, но имени ее я не знала.

– Оша, миледи.

Девушка еле слышно подошла, взяла в руки бутылёк с чем-то пахучим и аккуратно вылила мне на голову. Ванная наполнилась тягучим паром, заставив меня в отчаянии потереть собственную макушку. Меня сейчас что, без волос оставили?

К счастью лысины я не нащупала, эффект был прямо противоположный – волос стало больше. А ещё они противно завились и... отрасли? Я сидела и перебирала собственные кудри, в то время как служанка пшикнула на них из нового бутылка. Это было чем-то вроде средства для смывки цвета, что меня не удивило. Сама давно хотела вернуть родной цвет. Да и не думаю, что папочка высоко оценил мои розовые локоны.

– Спасибо, Оша, – какой бы упрямой и своевольной я не

была, но девушка заслужила хорошего отношения.

Через час таких СПА-процедур я сидела на кровати и под веселый щебет служанок выбирала что надеть. Главная ушла относительно недавно, отчего все разом выдохнули и посмеялись. Мы быстро подружились, однако они никак не могли перестать называть меня "леди", отчего я каждый раз хмурилась и чувствовала себя неприятно.

Из всего, что я слышала, можно было сделать несколько выводов:

1. Мой отец богат. Настолько, что может позволить себе замок в горах и слуг.

2. Все здесь говорят на другом языке, однако мне приставили тех девушек, которые хоть немного, но знают мой родной. Это удручало, потому как мне предстоит учить новый язык. Медленно, скрипя зубами, но я должна с этим справиться.

3. Здесь, то есть в Белокаменном замке существует огромное количество ограничений для девушек, в частности строгий дресс-код. С чем это связано – непонятно, но очень хочется узнать.

Надеюсь это не из-за религии, потому как набожной я никогда не была. И не думаю, что стану.

4. Это другая страна. Нет, прямо мне об этом никто не говорил. Более того, при прямом вопросе разразился такой хохот, что мне стало немного стыдно. Однако все указывало именно на это: язык, природа и странные правила, гранича-

щие с законами.

Неясным оставалось то, что никто не хочет сказать мне, где я нахожусь, и что здесь происходит, потому как, что бы я не говорила про галлюцинации, наркотики и прочую гадость, это были лишь отговорки для собственного успокоения.

В ходе моего отрицания и настойчивых утверждений девушек, мы сошлись на свободных брюках и рубашке, что по мне, было достаточно неплохим вариантом. По сравнению со строгим платьем в пол, которое они предложили изначально, так вообще сказка.

Забавным было то, что выглядела я теперь лет на тринадцать – волосы по плечи вились задорными пружинками, создавая детский образ. Но меня отговорили их выпрямлять, под предлогом "Вы такая милая". Смысла не верить им у меня не было, к тому же я хотела понравиться отцу, а это было хоть и малой, но составной частичкой образа идеальной дочери. По крайней мере я так думала. Видела бы меня сейчас Карина – смеялась бы, пока не лопнула.

Вскоре пришла управляющая, одобрительно кивнула и неожиданно улыбнулась мне:

– Простите меня, Леди, за мою несдержанность. Этого больше не повторится.

Ее улыбка была настолько доброй, что я кивнула и улыбнулась ей в ответ. В конце концов, она делает свою работу.

– Лорд Асгард ждёт вас для беседы в гостиной на первом

этаже. Вы готовы спуститься? – спросила женщина.

Несмотря на странное обращение, я догадалась, что это она про папандра. Надо будет узнать его имя, наконец.

Сейчас главная цель – дожить до появления мамы, а там мы будем вместе и разберёмся со всей этой кошмарной историей. Несмотря ни на что, Рае я верила безоговорочно. А значит, она придёт за мной. Стоит только дожждаться.

Я сдержанно кивнула и, дождавшись пока женщина открывает дверь, собралась с мыслями и вышла в коридор. Сзади я услышала робкие пожелания удачи от служанок и улыбнулась. Не так страшен черт, как его малюют.

Мы свернули в левый коридор, спустились вниз по лестнице и вышли в просторное фойе. Здесь была лишь пара диванчиков с напольными лампами по бокам и большие портреты на стенах, что весело смотрели друг на друга. Из этой комнаты также вели двери, в одну из которых и постучала управляющая.

– Милорд, Леди Асгард прибыла, – сказала женщина в приоткрытую дверь.

Меня уже ждали, из глубины комнаты сразу же послышалось строгое "пусть зайдёт". Звучало это грубо и не очень привычно, потому как я не понимала, зачем нужны все эти условности, если я сама могла постучать и войти.

Меня завели в помещение поменьше, в котором вокруг чайного столика стояли два кожаных дивана и пара кресел, в подсвечниках ярко горели свечи, распахнутые двустворча-

тые окна выходили на водопады и горный хребет, опоясывающий замок. Последние лучи заходящего солнца скрылись за грядой, и комната наполнилась подрагивающими тенями. В камине весело потрескивали разгорающиеся поленья, а напротив друг друга сидели отец и тот парень из туалета.

Я напряглась ещё больше. Кто знает, что про меня мог наплести этот неадекватный.

– Присаживайся, – произнес папандр, похлопав по дивану рукой.

Я покорно опустила на мягкую обивку и осуждающе посмотрела на Майкла. Надо же, даже имя парня запомнила. Обычно у меня из головы вылетает бесполезная информация.

Светлые волосы самого высокомерного человека на земле были аккуратно уложены, как и тогда, чёрный костюм не имел ни одной складки, а взгляд, который ещё пару часов назад был холодным, теперь с восхищением смотрел на меня. Как у него так быстро выходит менять маски? Репетирует что ли?

– Лорд Райдер, позвольте представить Вам мою дочь – Алису Асгард, – выверено, но уж очень заученно произнес отец.

В ту же секунду непонимающий взгляд возможно первого, но точно не последнего бабника этой школы преобразовался в потрясённый. Неужели он меня не узнал? Не сказала бы, что сильно отличаюсь от той, что была.

– Алиса, я назначил Лорда Майкла твоим комендантом до шестнадцатилетия, потому, если тебе потребуется помощь, можешь смело обращаться к нему.

Я не обрадовалась.

Во-первых, потому что папочка спихнул меня какому-то парню, не желая даже на пару вопросов ответить.

А во-вторых, потому что мне было бы удобнее разбираться во всём с девушкой. Посчитали, что со мной будет трудно? Или не доверяют женщинам априори? Что-то мне подсказывает, что в этой школе царит патриархат в самом его жутком воплощении. Меня уже длинные платья немного напрягли, а тут можно чисто логически домыслить пару объяснений, и ни одно из них положительным не было.

Но я промолчала. Не хотелось вступать в спор, особенно из-за такой глупости как возраст. Скорее всего, ему отдали бумаги из "Надежды", ведь только в них была ошибка.

Обидно, конечно, что собственный папочка не знает дату рождения дочери, но, возможно, это однажды спасёт мне жизнь. Не зря же бабушка убеждала меня никому об этом не говорить.

– Насчет всего остального можешь обращаться к Марике. Она твоя личная служанка, – забил последний гвоздь в гроб моего к нему хорошего отношения отец.

Я сдержанно кивнула и опустила взгляд.

Вопросы, что жгли язык вторые сутки, я упрятала в дальний ящик. Надеюсь, они не будут пылиться там долго. Ду-

маю, что вскоре я узнаю и почему он вспомнил обо мне только сейчас, и где потерялась моя биологическая мать, и что со мной будет дальше.

Папандр вышел, тихо прикрыв за собой дверь. А мы остались в абсолютном молчании, которое нарушалось только треском огня в камине и свечах. Сколько сейчас времени я не знала, но атмосфера клонила в сон.

– Вильгельм сказал, что ты с Фобоса, и тебе нужно все рассказать, – сказал Майкл, наблюдая за тем, как я встаю.

Вот я и узнала имя отца. Иронически можно добавить, что он даже не сам представился. Зачем я человеку, который меня видеть и слышать не хочет? Что побудило его увезти меня из Дома, где я ему шестнадцать лет была не нужна?

– Фобос это, насколько я знаю, спутник Марса, – я села обратно, чувствуя, как приближается очередная волна чуши, – и я не оттуда.

Парень улыбнулся мне весьма приветливо и мило, да только я видела обратную сторону медали, так что такой фокус со мной не прокатит.

– Могу рассказать тебе основное. Остальное узнаешь на уроках.

Я кивнула и вся обратилась в слух. Даже если бы сейчас он сказал совсем что-то бредовое, мне было интересно. Как интересно слушать пьяного или душевнобольного человека – шутка смешная, а ситуация страшная.

– Значит так, существует два мира: Фобос – твой про-

шлый мир и Деймос – мир магии, – с серьёзным, но каким-то загадочным выражением лица произнес парень.

Я ждала чего-то подобного от него, так что не удивилась. Два варианта: или надо мной решили поиздеваться, или он в это верит сам. Больше было похоже на второе, но... два мира? Да в такое даже дети не верят.

Мой скептический взгляд не помешал Майку продолжить свои рассказы, так что я села поудобнее и скрестила руки на груди, всем своим видом выражая отношение к его словам.

– Деймос – второе пространственно-временное измерение. Давным-давно, много эпох назад, в самый расцвет цивилизаций это был один мир, полный гармонии и магии. Но магия – это сила, которая не может быть величиной постоянной, у всех магов она была разной. Кто-то был сильнее, кто-то – слабее. И те, у кого она была слабее, решили совсем от нее отказаться. И тогда было принято решение во избежание войны, что те, кто обладает магией, уйдут. Собрались все сильнейшие маги того времени и, объединив свои силы, разделили пространство и время.

С научной точки зрения была куча несостыковок и банального бреда, но звучало это интересно. Однако верить в это меня точно никто не заставит. Да мне кажется, яви он мне сейчас эту самую магию, я подумаю, что это лишь фокус. Наверное, сейчас любое колдовство можно сотворить, зная физику и химию.

– Так вот, многие ушли и навсегда отказались от магии.

На Фобосе осталась только небольшая горстка магов. С тех пор эти миры существуют параллельно.

Я встала и прошла к двери, не желая дальше слушать выдумки большого разума. Или разумов. Да даже я – одна из лучших выдумщиц в Доме не смогла бы сочинить что-то подобное. И тем более поверить в это.

– Позавтракаешь со мной? – понеслось мне вслед.

Я открыла дверь и вышмыгнула наружу, надеясь уйти от ответа. Но Майк явно считал себя тем, кому не отказывают, так что стоило мне выйти, как он пошёл за мной хвостиком.

– Не хочешь есть? – меня оббежали и загородили дорогу.

– С тобой – нет.

Парень не растерялся, наоборот, растянулся в обольстительной улыбке, от которой меня затошнило. С чего это принц решил спуститься до жалких крестьян? Я же ему не нравилась. Он даже нос морщил тогда в туалете. А сейчас решил приударить?

– Обещаю, что не обижу тебя.

– Ладно. Утром зайдёшь и покажешь где эта столовая, – сдалась я и обошла ошастливленного сбоку.

Но Майкл резко нахмурился и нагнал меня, зашагав рядом. Он был выше всех моих сверстников и тех, кто старше на пару-тройку лет. Не знаю сколько ему, но выглядел он тоже старше и... мужественнее что ли.

– Зачем ждать утра? Завтрак через полчаса, – даже не запыхавшись от подъема по лестнице, сказал Майк.

кЯ остановилась. Парень чуть не сшиб меня, по инерции пробороздив по злополучной ковровой дорожке. Но в последнюю секунду отскочил, смотря в страхе. Да что с ним происходит? Боится прикоснуться?

– У вас ещё и завтрак вечером? – спросила я.

Когда я уже перестану удивляться странностям этих людей? Риторический вопрос.

– А у вас было по-другому?

Не стала отвечать, развернулась на сто восемьдесят градусов и пошла в сторону главной лестницы, что вела к выходу из башни. Не думаю, что столовая находится в общежитии для девушек, а именно так назвала ее Марика при первой нашей встрече. Вообще, планировка здесь была намного проще муниципальных зданий, входящих в комплекс детского дома. Да и с памятью у меня проблем никогда не было, но только если я это считала важным, в остальных же случаях информация даже до ушей не долетала.

– Ты действительно веришь в то, что мне рассказал? – теперь я шла позади Майкла, гордо вышагивающего впереди.

Яркий свет прожекторов освещал даже самые темные уголки сада и площади с клумбами, делая из ночи день. Интересно, конечно, да только зачем освещать настолько большую площадь? Не рационально это. Кто в здравом уме пойдёт гулять по саду ночью? Думаю, даже если такой и найдётся, он не захочет быть замеченным.

– Ты про магию? – он повернулся и, дождавшись меня,

зашагал рядом, – сама потом убедишься. Я вообще не знаю, как бы повёл себя, будь я на твоём месте.

Я вот тоже не знаю, как вести себя на моем месте. Но непреклонно иду в столовую загадочной школы, где у всех мозги набекрень, хотя глаза слипаются, будто вновь двое суток не спала. Часов здесь нигде не было, так что времени я не знала, что ухудшало и так несладкую ситуацию.

Что касалось странных фраз парня, то в моём убеждении он провалился, ещё не открыв рта. Вероятность того, что я поверю в колдовство, равна если не нулю, то процентам пяти.

Между тем мы прошли по аллее и нырнули в центральное здание, которое было приземистее остальных, имело всего два этажа и гигантский купол-шатёр. Замок сам по себе был произведением архитектурного искусства – белоснежные колонны и лепнина гармонично украшали стены, кое где потолок и даже пару декорированных лавочек. Коридор такой же, как и в башне, закончился двустворчатými дверьми с резными узорами. Они плавно распахнулись от толчка Майкла, и меня обдало потоком запахов, звуков и голосов людей.

Белоснежные стены сплошь были изрисованы зелёным узором, напоминающим лианы и устремляющимся под потолок. Мы прошли мимо столиков из стекла или чего-то такого же прозрачного к большому окну. Все здесь дышало свежестью и прохладой природы, что впитались в сам замок.

Но самым прекрасным здесь был потолок, который был

сделан из множества стеклянных пузырей и напоминал мыльную пену. Я с уверенностью могла сказать, что собери всех учеников и учителей, находящихся в этом помещении, они бы поместились в любой из них. Вся эта завораживающая конструкция преломляла лунный свет, создавая тысячи и тысячи лучей, которые выстраивали узор на полу.

Мы сели за уже накрытый столик у окна. Здесь было много всего, что я видела впервые, правда есть я не хотела, потому взяла обычное зелёное яблоко.

Всюду сновала прислуга, это меня все больше удивляло. В какой ещё школе, даже интернате есть столько персонала?

С моего места мне открывался отличный вид на всё помещение, так что я сидела и рассматривала прибывающий народ. Все были похожи друг на друга, как и любое скопление молодежи, которое я знаю. Копировать друг друга – модно и респектабельно, так было всегда. Люди не любят кого-то отличающегося от них. Те, кто не следует общепринятой «моды», становятся изгоями.

Таких здесь было немного – они сидели за отдельным столом в углу и молча ели, искоса поглядывая на окружающих.

Длинные клетчатые юбки мелькали то тут, то там, но мое внимание раз за разом возвращалось к одной девушке. Сложив ногу на ногу, она со скучающим видом наблюдала за происходящим вокруг, так же как это делала я. Её чёрные волосы были собраны в небрежный пучок, а платье едва доставало до колен. Тёмное пятно на фоне беловолосых стат-

ных красавиц. На секунду мы встретились взглядами, и я резко отвернулась.

Все из-за того, что её глаза, которые сначала показались мне карими, оказались ярко-золотыми и... не имели белка. Смотрелось это жутко, но эффектно. Я не была консервативной в плане чего-то подобного, сама красила волосы во все цвета радуги, но это определенно был перебор. Насколько я знала, операции с закрашиванием белка глаза были дорогостоящими и портили зрение. Тем более, "перекрасить" ты их больше не сможешь.

Что примечательно, я заметила ещё несколько человек с таким "отличием", которые раньше не бросались в глаза.

– Здесь так популярно «заливать» глаза? – я вновь повернулась к Майклу, который уже минут пятнадцать как поел и пялился на меня, явно придумывая с чего бы начать очередной бредовый разговор.

– Что популярно? – встрепенулся парень.

Что вообще за новомодное течение, отвечать вопросом на вопрос при любом удобном случае?

– Вон как у той девушки, – я указала на златоглазую, что все ещё смотрела на меня.

Майк повернул голову в ее сторону, оглядел девушку с ног до головы и скривился как от кислоты. Я не удержалась и закатила глаза.

Да сколько можно относиться ко всем с пренебрежением?! Ему хоть кто-то нравится? Или как девушка из туалета,

ну или я, нравится все новое и быстро надоедает использованное?

– Ты имеешь ввиду цвет глаз? – не обращая внимания на мои скрючивания, спросил парень.

– Скорее то, что они не имеют белка, то есть полностью цветные.

В ответ мне была брошена очередная "обольстительная" улыбка и задорный взгляд. Чувствую, что он сейчас что-то выдаст. Кажется, я научилась предсказывать глупости. Немудрено.

– Она – дракон.

Ну вот. Очередной бред.

Если честно, то слово "дракон" похоже на кличку. Или на название банды. Может и здесь есть люди, в общество которых мне будет легче вписаться?

– В смысле? – все-таки решила спросить я, затаив надежду в сердце.

– Раса такая. Это которые чешуйчатые. С крыльями.

Так и хотелось стукнуть его чем-нибудь тяжелым. Хотя... я уже почти смирилась, да и бред из его уст стал звучать привычно, хоть и слегка "тронуто".

Я вновь погрузилась в неприятные мысли. На первом плане, как и раньше, была мама и ее обещание. Как бы я не убеждала себя в обратном, была вероятность того, что она не придет. На это есть огромное количество причин, но я постараюсь предугадать каждый исход, чтобы знать заранее, как

мне следует выбираться отсюда при определенных обстоятельствах.

Стоило подумать о Рае, как меня посетила гениальная идея ей написать. Неподходящее место и время для разговора подразумевало отправление СМСки. К своему великому счастью я всегда носила с собой телефон, вот и сейчас машинально бросила его в карман брюк.

Экран приветственно вспыхнул и показал двадцать семь звонков и пятнадцать смс от Барсика.

Черт! Все же я отвратительно поступила с ним. Бросила, ничего не сказала, и отвечать не захотела. А он явно переживает за непутевую трусиху, которая побоялась бытовых вещей.

"Позвони мне" – гласило первое сообщение от него. Дальше шел мат в адрес ситуации и вселенной в целом, спасибо, что не в мой.

"Во имя всех демонов Преисподней, почему ты не дождалась меня?"

Ну вот, и до меня добрались. Я, право, была рада тому, что он выставляет меня виноватой, а не себя как обычно. В первый раз почувствовала жгучий стыд и зажмурила глаза. Не знаю как, но это помогло прочистить мысли. Стало на каплю легче. Маленькую капельку в огромном океане чертовых страданий.

Пара десятков сообщений с угрозами тем, кто меня "украл". А затем последнее, в котором было лишь одно ко-

роткое "Жди".

И все.

В груди защемило. Будто тупым ножом по сердцу провели, или по неосторожности захлопнули дверь, а я была в проеме. Приятно, конечно, что обо мне думают, переживают и хотят добраться. Но я не заслужила такого отношения. Какой бы эгоисткой я не была, но все же могла здраво оценить поступки других в отношении себя. Тем более такие поступки.

Я поднялась на ноги и, пробурчав что-то Майклу, пошла в свою новую комнату. Парень уцепился за мной, так что мы брели вдвоём как два медленных пьяницы – не разбирая дороги.

Вдруг я резко разблокировала телефон и взглянула на время. И как я только не додумалась посмотреть раньше? Электронные цифры показывали половину первого ночи. Что-то я совсем ничего не понимаю... Почему мы тогда шатаемся по школе, если так поздно?

Но мои мысли уже блуждали вокруг совсем другого: связи не было. Ни одной "полоски" сети! Только красный крестик горит, будто издеваясь над моим и без того хрупким душевным равновесием.

Так. Пытаемся думать логически. Не может же быть связи совсем! Скорее всего, здесь есть вышка связи, директору ведь нужно куда-то звонить. Да хотя бы о поставках продовольствия договариваться. Из сего следует, что где-то есть "глушилка". Скорее всего, она в тихом укромном месте, там,

куда не доберутся шаловливые ученические ручки. На самом деле таких мест была тысяча в огромном комплексе зданий Белокаменного замка, однако, первым местом всегда остаётся кабинет директора. А это проблема.

Хотя... Если быть откровенной, то с огромной долей вероятности есть так называемые "слепые пятна", где можно поймать одну-другую «палочку» связи. А большего мне и не нужно.

– Есть в школе места, где связь ловит? – с надеждой спросила я парня, который плёлся сзади.

Мы уже поднимались по лестнице в башне для девушек, а он все не хотел меня покидать. Зачем – непонятно.

– Мобильной связи на Деймосе нет.

Исчерпывающе. Деймос, по его рассказам, это... мир, где мы находимся сейчас. Ага. Волшебный мир, где не ловит связь. Видимо потому, что ее драконы приглушают. А единороги не придумали ещё раздавать вай-фай.

Понятно все. Значит, придётся искать самой. Даже если в конечном счете нужно будет залезть в кабинет директора.

Дошагав до комнаты, я пресекла на кону майкловское "пригласишь посидеть?", шмыгнув сразу за дверь. Надеюсь, его "коммендантство" не доведёт меня или его самого до греха, потому как он стал излишне приставучим, а я – раздражительной.

Любила ли я быть в центре внимания? Любила, скрывать не буду. Я никогда не была стеснительной, скорее всего из-за своей неординарности, а впоследствии и из-за своего отношения к жизни. Да и тяжело быть незаметной, если постоянно влипаешь в неприятности.

Однако сейчас мне хотелось быть другой. Безликой и серой, чтобы тихо и спокойно просидеть в уголке до появления своей спасительницы, а затем начать новую жизнь. Возможно, однажды в моей жизни начнётся белая полоса и я, наконец, закончу поиск своего места, так называемого "рая".

Но не сейчас. В данный момент я ждала Марику, которую позвала, потянув за длинный шнурок у двери – удивительную систему оповещений в замке. Я как-то читала, что в средние века такие были почти во всех замках. Но сейчас, в эру технологий это смотрелось глупо и отстало.

Насколько я поняла из рассказа служанки, что пришла через пару минут, кабинет Вильгельма находился в Централь-

ном корпусе, где столовая, только на втором этаже. Зачем мне эта информация, женщина не поинтересовалась, что означало ее стремление позже рассказать об этом папочке. Мне это было не на руку, и я могла спросить Майкла, но не хотела быть ему обязанной хоть в какой-то мере.

Стояла глубокая ночь. Телефон показывал три часа, а я, подрагивая от прохладного ветра, скованно, но быстро шагала по дорожке парка. К счастью, дорогу мне освещали прожектора, потому что пробираться по малознакомой местности с одним лишь фонариком на телефоне было бы проблематично. К тому же, не хотелось тратить заряд батареи, а розетки я не нашла ни в комнате, ни тем более в коридоре. Ещё одна странность, а это могло означать лишь то, что в школе запрещены телефоны, компьютеры и другие электроприборы. Обиднее всего было за фен, но и без него я могла пережить, пусть и с трудом.

Лестницу в здании нашла легко, кабинет тоже отыскала без проблем. Дверь естественно была заперта, но во избежание казуса я все равно подергала ручку. Она не поддавалась, так что я со счастливой улыбкой маньяка или как минимум вора, достала из волос припасенную шпильку. Вскрыть несложные замки я научилась относительно недавно и чисто ради интереса, теперь я была просто счастлива из-за этого умения. Изогнула в нужную форму мой "инструмент", пара минут ковыряний и приглушённый щелчок.

Есть!

Здесь по какой-то малообъяснимой причине горели свечи, догорал жарким огнём камин, а окно было открыто. Я протянула к огню руки и погрела их, осматривая кабинет.

Стеллажи с книгами у персиковых стен, много дерева и металлических вставок. Даже стол, что главным объектом стоял напротив входа, был дубовым и явно очень тяжелым, потому как создавал небольшое углубление в полу. Это было забавно, но говорило об отце как о твёрдом уверенном человеке, который не очень печётся о собственном удобстве. Ну какой ещё директор школы будет сидеть на деревянном лакированном стуле с высокой резной спинкой? Помимо «квадратизации» некоторых частей тела, неизбежна узорчатая и отёкшая спина. И все мучения чтобы показаться сильнее и значимее, что на самом деле таковым и является.

Все-таки мы с ним абсолютно разные люди. Не вижу в себе ни одной его черты. Думаю, что нечего и мечтать о хороших отношениях друг с другом, раз он не хочет даже узнать меня.

Я прошла к столу, оглядела пару незапертых ящичков, тумбу и стеллаж у окна, но там была лишь пара ничего не значащих для меня бумаг.

Устройства подавления радиоволн не было, так что, или оно где-то в другом месте, или... рядом нет вышек связи.

Я упала на жесткое кресло, если можно было назвать его так, и начала перебирать бумажки со стола. Если не нашла того за чем пришла, то можно хоть убедиться в том, что Майк надо мной издевается. Здесь были отчеты, бухгалте-

рия, листы со странными символами и числами в таблицах. Ничего, что могло бы помочь мне разобраться в ситуации.

Я уже опустила руки, как на глаза попался список меценатов с Фобоса, которые жертвуют деньги на благоустройство школы. Снова фигурирует этот Фобос! Если пошевелить мозгами и вспомнить, что рассказывал мне Майкл, то так называется мир обычных людей. Ага. Да только парень мог наврать с три короба и, допустим, названием какого-то региона назвать эти самые "миры". Или...

Точно! Это просто неправильный перевод! Как я могла быть настолько глупа? Это же очевидно! Майк просто плохо знает русский и поэтому перепутал слова. Тайна раскрыта. Где орации за мое скудоумие?

Парада в честь моей "безумной" догадливости не случилось, зато послышались шаги из коридора и приглушённые голоса.

Я влипла.

Прятаться смысла нет, второй этаж не подразумевает прыжки из окна, здесь потолки – четыре метра, да и колючие кусты под окнами мягкостью не обладают. Черт! Сейчас же ночь, кому может в голову взбрести работать в такую темень?

Дверь открывается, и крайне недоумевающий отец заходит в помещение. Он замечает меня и останавливается напротив стола. Хорошо, что я хоть к окну отбежала, потому как на щеках папандра даже не ходили, а бегали желваки, а глаза горели праведным огнём, обещая спалить тут все ко

всем чертям.

Сказать мне было нечего. Потому я стояла и ждала первого слова, действия, да хоть чего-то! По спине бежал табун мурашек, попеременно с ледяным ознобом уже по всему телу.

Ну не убьёт же он меня? По виду – убьёт, сожжет и развеет над пропастью.

Дверь оставалась открытой, так что я бросала жалкие, то есть жалостливые взгляды туда, лелея надежду на то, что мне пожурят пальчиком и отпустят с миром.

К моему счастью в кабинет вслед за отцом зашёл какой-то мужчина. Он прошёл к столу, пододвинул для удобства кресло и сел в него, проигнорировав и меня, и Вильгельма, что стоял столбом уже с минуту.

– Что ты здесь делаешь? – строгим, но не злым тоном спросил отец.

Я стойко вынесла очередной взгляд, сжигающий до основания, и устыдилась. Но лишь за то, что опять полезла куда-то не вовремя. Кто же знал, что он ночью не спит, а в кабинете всё сидит с кем-то?

Спутник папочки, кстати, сразу начал перебирать какие-то бумаги, по-хозяйски сдвинув остальную макулатуру. Я видела лишь черноволосую макушку и длинные аристократично бледные пальцы, что перебирали слегка желтые листы.

– Я... я... тут... как раз Вас ждала... – лучше ничего не придумала, как соврать, я.

На меня взглянули скептически две пары глаз – отцовские голубые и чёрные мужчины за столом. Нет, ну а что я могла ещё сказать? Да у меня все мысли в этот момент только страх и занимал.

Папандр прошёл мимо и сел во главе своего стола, продолжая смотреть на меня в упор.

– Как ты открыла дверь? – очередной, вымораживающий до костей вопрос.

Я сглотнула подступивший к горлу ком и пропищала, не контролируя собственный голос:

– Открыто было...

Мне вновь не поверили, но теперь второй мужчина смотрел на меня, разглядывая словно игрушку в магазине, которую никогда не видел. Я взглянула на него в ответ и получила легкий разряд током. Оглядела пол вокруг и не обнаружила ничего похожего на проводник. Может одежда наэлектризовалась?

– Ну и что мне с тобой делать? – отвлѣк меня от разглядывания себя Вильгельм.

Я вновь взглянула на отца и пожала плечами. Неуверенные движения с моей стороны были расценены им как признание собственной вины, потому взгляд потеплел, то есть наоборот похолодел на пару градусов, став обычным.

Смотреть на черноглазого мужчину я не решилась, потому как было стеснительно. Я же от тока вздрогнула, а он на меня смотрел. Подумает ещё, что я его испугалась. Или ещё

чего.

– В наказание завтра будешь помогать на кухне, – обрадовал меня отец.

Но я с понурым видом кивнула головой и опустила ее. Надеюсь, поза покаяния спасёт меня от чего похуже мытья посуды и готовки на кучу людей.

Интересно, что наказания для меня не меняются от местонахождения. Кто бы подумал, что я и здесь буду оттачивать свои кулинарные навыки на невинных людях. На самом деле я неплохо готовлю, вот только обычные блюда, а не те, что я видела на столе часа три назад.

– Могу я идти? – спросила дрожащим от волнения голосом.

Волнение прошло само по себе, а дрожание почему-то осталось. Непорядок. Прочистила горло и взглянула на уткнувшегося в бумаги папочку. Тот махнул мне рукой и тут же поднял строгий взгляд.

– Да. И постарайся вести себя более сдержанно. Ты уже не на Фобосе.

Я кивнула. Взглядом мазнула по мужчине, который бьется током, и поспешила убраться из кабинета.

Уже в коридоре я облегченно вздохнула.

Что значит его последняя фраза? Да, я поступила как первая детдомовская хулиганка, но если бы мне дали ответы на все вопросы, то я не стала бы так делать! Нечестно молчать или говорить что-то малопонятное и обвинять человека в

том, что он хочет знать правду. Тем более, оборвав средства связи с прошлой жизнью, мне словно запретили дышать воздухом, заменив его чем-то, отчего кружится голова и жжёт легкие.

Раздражает меня отношение "не нравится – сиди и молчи в тряпочку". Я хочу знать хотя бы где нахожусь и что мне делать дальше. Версию про миры я в расчёт не беру, хотя названия и вправду всплыли уже два раза. Но как вообще можно поверить в подобное? Это же чистой воды дурдом!

Я пробежала по аллее, не успев замерзнуть, и влетела в свою комнату. Мне определённо нужно было подумать. потушила свечи и залезла под тяжелое пуховое одеяло.

Сегодня мой первый день, который я прожила не в Доме. Пролетел он быстро, но собрал в себе столько событий, что пухнет голова. Множество вопросов крутились в ней, но основным был лишь один: неужели... все, что происходит – правда?

Даже в самых несбыточных мечтах я не могла о таком помыслить. Я – дочь влиятельного и богатого человека. Живу в замке, который находится на вершине скалы, а вокруг река и куча водопадов, да таких, что дух захватывает. Теперь... я не маленькая никому не нужная замарашка из Надежды. Я – девушка, которая поняла, как стала важна близким людям. Мама, Барсик – те, за кого я отдала бы и замок, и отца со всем его богатством и лордовской напыщенностью. Те, кто стали важнее новой жизни.

Я споткнулась о мшистое поваленное дерево, но успела взмахнуть руками, избежав падения в прелую траву. Перед глазами стоял темный вековой лес. Тысячелетние сосны трещали под напором ветра, а я вновь пустилась бежать вперед.

Куда это "вперед"? Ещё глубже в чащу или же туда, где между деревьями мелькает спасительный проблеск света? Возможно, знай я ответ, то смогла бы сбежать от преследующего меня кошмара. Но я бегу, не разбирая дороги, чавкая сетчатыми туфлями по сырой земле.

Прыжок! И я проношусь мимо колючих кустарников шиповника, царапая руки до крови. Ранки наполняются кровью и начинают щипать. Неприятно.

Но мне нет до них дела. Я должна бежать вперед.

Тихие шорохи за спиной. Шаги... голоса... крики. Сердце скачет галопом в груди от бега и страха. В ушах стучит кровь, а в глазах стоит пелена.

Крики... стоны... выстрелы! Вороны стаей покидают деревья, испугавшись громких звуков. Я тоже боюсь. И так же стараюсь скрыться от тех, кто идет сзади.

Звон... жар огня... В бок врезаются острые спицы. Дыхание становится тяжелее и громче. Звуки вдали приближаются.

Платье, порванное от подола до пояса, становится тяжелее от влаги. Я шлепаю по воде, скидываю ненужные туфли и проваливаюсь по щиколотку в ледяной песок. Резко хва-

таю руками куски платья и дальше бегу по темному течению мелководной речушки.

Вода с каждым шагом буреет и густеет от крови, поступь становится медленнее.

Шаг... ещё один. Я иду мимо мертвецов, в блеклых голубых глазах которых отражается звездное небо. Тела в неестественных позах омываются кровью других, что лежат разрубленными частями выше по течению.

Я останавливаюсь. Слезы текут по щекам, не позволяя видеть жуткую картину впереди. Я падаю на колени, садясь в воду, которая забирается тёплыми струями под ткань. Она окрашивает платье в багровый цвет.

Дышать становится ещё тяжелее, горло разрывает боль. Я хочу кричать и плакать. Я всем сердцем желаю испытывать ту же боль, что пару минут назад испытали невинные люди.

Рык сзади напоминает об опасности, поднимает меня с колен и заставляет бежать в тяжелых кровавых юбках по медленно светлеющему течению реки.

Я резко села на кровати. Пот стекал по лбу холодными каплями, мешая видеть. Стёрла его рукой и откинула жуткие видения прочь. Давно мне не снились кошмары. Даже забыла, насколько они могут быть реалистичными. Опять теперь все утро ходить и вздрагивать от каждого шороха.

Встала на ноги и подняла с пола одеяло, которое скинула с кровати во сне, для меня оно было чересчур огромным и

непривычно тёплым. В Доме большим удовольствием было заполучить плед взамен колючего шерстяного покрывала в потрёпанном пододеяльнике. Это мотивировало к закалке, так что холод я переносила хорошо. Как, собственно говоря, и жару, и много ещё чего.

Оранжевый раскалённый шар за окном скрывался за грядой, окрашивая небосвод в яркие тона. Ну вот, я вновь проспала целый день. А так много хотелось сделать и узнать за все это время. Даже обидно немного.

Войдя в купальню, проигнорировала ванну и прошла к душе, что стоял в отдалении.

Никогда не думала, что настолько сильно буду радоваться собственной комнате с уборной. Но именно это стало одним из самых удивительных "плюсов" новой жизни. Минусов, к сожалению, набралось больше, причём намного, но я решила не убиваться по этому поводу.

Вентили плавно поддались на мои манипуляции, из крана полилась вода. Прохладные капли помогали сосредоточиться на построении плана дальнейших действий.

Первое – спросить не оставлял ли мне каких-либо указаний Вильгельм.

Тут я неожиданно вспомнила, что должна помогать на кухне. Черт! Первый же день и все проспала. Почему я не догадалась поставить будильник? Никогда не была настолько рассеянной и редко опаздывала. Поэтому сейчас чувствовала себя исчадием Ада.

Ну да ладно. Надеюсь, я никого особо не подвела. У них тут много помощников, я лично видела. Не думаю, что не стала бы обузой на кухне. Люблю убеждать себя в собственной невинности. Будто мантру своей жизни читаю.

Потому все же придётся изменить приоритет задач. В первую очередь нужно помочь на кухне. Как говорится, лучше поздно, чем никогда. Уже в-третьих останется разобраться во всей этой чуши, происходящей вокруг. Глупая и совершенно не смешная шутка не может продолжаться вечно.

Через десять минут я, закутанная в длинное махровое полотенце, стояла напротив двери, выходящей в коридор. С обратной стороны кто-то стоял и "очень сильно" хотел попасть внутрь. Стук не прекращался все то время, что я была в душе, так что я была зла и очень агрессивно настроена.

Резкий рывок, и в помещение ввалилась девушка из столовой, о которой мы говорили с Майклом. Черноволосая голова поворачивалась из стороны в сторону в поисках удобного места. Секундное замешательство и она его нашла. Молча "девушка-дракон" прошествовала к кровати, упала лицом вниз, а затем ещё и покаталась на ней с боку на бок.

Я постояла с минуту в шоке, пока она проделывала все эти манипуляции. Затем прошла в гардеробную, что показали мне вчера, и решила переодеться. В конце концов, гостей нужно встречать хоть немного одетой.

Сегодня я выбрала легкие темно-синие брюки и белую рубашку. Выбирать пришлось долго – всюду висели платья и

юбки длиной в пол, а такое я вообще никогда не носила. Тем более, это было неудобно.

Выйдя в спальню, я встала и взглянула на девушку вновь. Сегодня она была в платье, похожем на вчерашнее. Только простой белый воротник сейчас был жемчужным, а пояс – с золотой вышивкой. Золотые глаза, заставляющие ненабожную меня перекреститься, внимательно наблюдали за мной.

– Я – Архельм, – сказала она, привставая на локтях.

Я не смогла сдержать улыбку и села в кресло у камина.

– Алиса, – представилась и я, чувствую абсурдность всей ситуации, – зачем ты здесь?

Арья села, улыбнулась, показывая заточенные длинные клыки, и неожиданно произнесла:

– Ты мне нравишься. Хочешь стать друзьями?

Ее прямолинейность повергла меня в очередное шоковое состояние, однако я учусь на своих ошибках, потому оно продлилось чуть меньше предыдущего. Я облокотилась на спинку кресла и постаралась оценить ее действия. По шкале адекватности они бы получили единицу, но это и вызвало мой интерес. Она ещё в столовой показалась мне не такой как все, а именно такие люди были самыми настоящими. Редко, когда человек был хорошим или хотя бы искренним, и не проявлял при этом уникальных качеств или черт характера.

– Почему бы и нет, – ответила я.

Интересно, что с Кариной и Барсиком я познакомилась

так же странно. Рин я облила чаем, вызвав у неё приступ смеха. А Барислав, когда меня увидел, просто встал столбом и секунд тридцать не шевелился. Позже я узнала их ближе, и когда мне требовалась помощь – они были рядом. Возможно, вскоре мы с Аргхельм и вправду станем подругами. Жаль только, что задерживаться здесь я не горю желанием. Впрочем, кто знает, что будет завтра.

– Пойдём! – девушка вскочила на ноги, схватила меня за руку и потащила вон из комнаты.

– Куда мы?

Арья легко прикрыла за нами дверь и резво пустилась по коридору. Я побежала за ней, уже совсем ничего не понимая.

На улицу мы выбежали спустя минуту, если не раньше. Вынырнули из-под козырька и сразу же попали под дождь. Крупные капли падали с неба, отлетали от земли и нас двоих – единственных, кто рискнул выйти на улицу в такую непогоду. Почва впитывала воду феноменально быстро, даже на каменных тропинках не было луж и слякоти, которые всегда сопровождают сырую погоду.

Я отпустила руку Арьи и остановилась. Затем подняла лицо к небу, подставляя его свежести и прохладе. По какой-то причине этот дождь был для меня словно глоток свежего воздуха после нагретого городского пекла. Он смывал усталость и печаль. Он делал меня живой, давал ощущение радости и свободы.

Наконец я осознала, что освободилась от гнетущей атмо-

сферы Дома. Теперь я смогу начать новую жизнь без щемящего чувства жалости к себе. Без глупости и вечных влипаний в неприятности.

В главный корпус мы зашли полностью мокрые и хохочущие как ненормальные. Один маленький глупый поступок словно вернул меня к жизни. И я никогда не забуду этого. Потому что девушка, которая совершила чудо для меня, шла рядом и смеялась не только ртом, но и глазами.

Незаметная дверца в стене у входа в столовую поддалась от прикосновения Арьи и отъехала вперед, а затем вбок, сливаясь с каменной кладкой. Интересный механизм рассмотреть мне не дали, протащив по узкому коридорчику в пышущую жаром комнату. Мы проскользнули мимо рядов длинных столов с посудой, съестным и уже приготовленными блюдами, к раскалённой печи.

– Давай сначала просохнем, а то неудобно ходить в мокром, – произнесла девушка, скидывая замшевые туфли и протягивая ноги в чулках к печке.

И как ей только не жарко? Я вот уже взмокла.

Через пару минут мы суетливо бегали по кухне, нарезая, помешивая и вычищая все, что попросят. Здесь не было криков, мата и ругани, что сопровождали меня во время отработки повинности в Доме. Наоборот – вежливое обращение, шуточные истории, не переходившие границ, и доброта.

Я даже первый час не понимала, ко мне ли обращаются "Леди Алиса". Странно слышать из уст взрослого человека

обращение на «Вы», потому как я мало чем могла заслужить это. Но мне нравилось, поэтому я так же уважительно относилась ко всем присутствующим.

– Почему мы помогаем ночью? – спросила я, когда нас отпустили передохнуть на полчаса.

Мы сидели за столиком в углу. Напротив меня стоял бокал с зелёным травяным чаем и блюдо с пирогом.

– Не днём же это делать, – хмыкнула Арья, уныло ковыряясь в своей тарелке.

Я нахмурилась и подняла на нее взгляд. Шутит? Или это очередной заскок людей этого "мира".

– А если серьезно, – я в нетерпении постучала пальцами по столу.

Что-то странное творится в Белокаменном замке. Но как бы я не отрицала очевидного, все здесь не такое, как на Фобосе. Ну вот, я уже их словечками заговорила.

– Если серьезно, то на Деймосе все спят днём и бодрствуют ночью.

Я, находясь в глубочайшем шоке, отпила чая, подавилась и закашлялась. Слов просто не осталось.

– Seriously? – я подалась вперед, пытаюсь разглядеть в ее глазах смешинки или другие эмоции.

Но там был лишь вялый интерес к собственной тарелке и скука. Не думаю, что если бы девушка хотела поиздеваться или посмеяться, то скрыла бы ехидство настолько легко.

– Ну да. Это потому что ночью видны луны, а они дают

магам силы.

Зачем усложнять себе жизнь? Не зря же все не спят днём! Пока светло удобнее все делать. И тратиться на прожектора не нужно.

Упоминания магов и магии я проигнорировала, меня заинтересовало кое-что другое.

– Ты хотела сказать "луна"?

Арья покачала головой, унесла свои приборы в раковину к посудомойке, которая улыбнулась ей и произнесла что-то доброе. Наша, из Дома тебе бы ее на голову надела. И ещё бы устроила лекцию на час о совести, которой у тебя нет. И не важно, что она за это деньги получает.

– Я забыла, что ты с Фобоса. Выйдем, и я тебе покажу, – девушка потянулась и села обратно за стол, – странно, что ты этого сама не заметила.

Я вспомнила, что вчера и позавчера были тучи, из-за которых даже звезд не было видно. Но это не означало, что я ей поверила. Однако, с какой уверенностью она собиралась показать мне две луны! Я просто засомневалась в собственной адекватности.

Ещё несколько часов прошли в абсолютном молчании. Я была настолько задумчива, что пару раз роняла столовые приборы, а однажды чуть не вылила на себя кипяток. После этого меня видимо посчитали уставшей или больной и отправили в комнату отдыхать. Арья махнула мне рукой, сказав, что зайдёт завтра.

Я тут же ретировалась.

Свежий воздух центральной башни не мог соперничать с полуподвальным из кухни, так что я долго не могла надыхаться. Выйдя на улицу, я вообще почувствовала себя в тысячу раз легче.

Дождь закончился пару часов назад, но лавочки были ещё сырыми. Хотя, это не помешало мне встать у одной из них и как идиотка смотреть на небо. Я и не надеялась на то, что облака, которые совсем недавно были тучами, позволят увидеть мне хотя бы одну луну. Не то, что две. Я хохотнула и продолжила стоять на месте.

Рубашка не предполагала таких прогулок, потому я быстро замёрзла. Но стояла. Я хотела доказать самой себе, что не свихнулась. Кто вообще мог придумать сказку про две луны? Разве это возможно?

Простояв больше часа, я направилась в сторону башни для девушек. Уже находясь на ступеньках, я обернулась и, наконец, узрела то, что так долго ждала. На темно-синем предзвездном небе сиял неяркий месяц.

Ну вот. Я была права. Как я могла задуматься о том, что они говорят правду? Чуть не заразилась их помешательством. Я хмыкнула, но по какой-то причине осталась стоять под козырьком.

Что меня тогда остановило, я не возьмусь предполагать. Возможно, идиотская вера в сказку. Или скорее желание чуда. Но в следующую секунду из-за облака показался второй

золотистый край, что скрылся за непроглядной тьмой.

Я опешила. Неужели? Невозможно! Может очередные галлюцинации? Или мне просто показалось... Я просто не могла поверить в такой исход.

Но сколько бы я не стояла, ничего не происходило. Вскоре и первая луна поблекла в лучах восходящего солнца.

Мозг категорически отрицал какие-либо признаки помешательства. Может я тогда в кухне Дома упала. Ударилась сильно? Лежу сейчас в больничке отдыхаю, а весь этот бред мне снится. Мама навещает меня раз в два дня, рассказывает глупые истории из ее детства. Кажется, я пересмотрела слезливых мелодрам.

Мысли мои путались и бегали из угла в угол, я пыталась ухватиться хоть за один хвостик, но раз за разом терпела поражение. В комнату я зашла совсем убитой. Не раздеваясь, легла поверх покрывала и лежала, смотря в потолок сквозь балдахин, и вскоре отключилась. Сложная ночь давала о себе знать.

– А-а-ли-и-ссс-а-а... – шипение у самого уха переросло в сопение.

Я взмахнула рукой, пытаюсь прогнать мешающую спать личность.

– Алиса, вставай! – меня уже тормозят за плечи.

Привычно вытаскиваю подушку из-под головы и бью ею нахала, который склонился надо мной. Кто вообще с утра пораньше додумался разбудить меня, спавшую от силы часа два? Я и в обычное время злая, а тут – агрессия в квадрате!

– Алиса, у нас мало времени! – уже в полный голос говорит Майкл, стаскивая с меня одеяло.

Парень проворно увернулся от запущенной в него подушки, как и от второй. Протерла глаза, приоткрытые на одну четверть, и смачно зевнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.